

НА ЛИНИИ ФРОНТА

ПРАВДА О ВОЙНЕ

Петр Букейханов

КУРСКАЯ БИТВА ОБОРОНА

**ПЛАНИРОВАНИЕ И ПОДГОТОВКА
ОПЕРАЦИИ «ЦИТАДЕЛЬ»**

1943

На линии фронта. Правда о войне

Петр Букейханов

**Курская битва. Оборона.
Планирование и подготовка
операции «Цитадель». 1943**

«Центрполиграф»

2011

Букейханов П. Е.

Курская битва. Оборона. Планирование и подготовка операции «Цитадель». 1943 / П. Е. Букейханов — «Центрполиграф», 2011 — (На линии фронта. Правда о войне)

В первой книге трилогии «Курская битва» историка П.Е. Букейханова на огромном фактическом материале представлен скрупулезный анализ стратегической обстановки на Курском выступе в первой половине 1943 г., замыслов и планов, сил и средств противоборствующих сторон, а также хода оборонительного сражения советских войск на северном фазе Курского выступа 5-11 июля 1943 г. Особое внимание в работе уделено военно-географической характеристике театра военных действий, особенностям построения обороны советских войск и наступательной тактики немецкого командования, анализу действий отдельных родов войск.

© Букейханов П. Е., 2011

© Центрполиграф, 2011

Содержание

История в проекциях информации (вместо предисловия)	6
Введение	16
Часть первая	22
Глава 1	22
Глава 2	32
2.1. Потенциал противоборствующих сторон	32
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Петр Евгеньевич Букейханов

Курская битва. Оборона. Планирование и подготовка операции «Цитадель». 1943

Он танк увидел пред собой.
Он знал: всего лишь раб слепой
Стальное это существо.
Но смерть во чреве у него.
Бездушен он. Но там, внутри, —
Озлобленные дикари.
Теперь жестокий тот слуга,
Послушный воле злой врага,
Своим железным существом
Во мне, разумном и живом,
Смятенье хочет породить,
Чтоб дух бездушьем победить!
Так вот во что превращены
Труды порабощенных рук,
И залежи земной казны,
И ухищрения наук!
Но, встретив мужество и честь,
Железо превратится в жечь, —
И он гранатой танк поджег,
И вспыхнул тот, как сена стог,
И накренился, и увяз,
И содрогнулся всем нутром,
Чтоб в первый и последний раз
С живым сравняться существом.

Касым Аманжолов
1943 г.

История в проекциях информации (вместо предисловия)

Аттракторы хаоса и информационные координаты. Представления об окружающем мире, о прошлом, настоящем и будущем могут объединять людей, создавая основу общественной жизни и открывая перспективы коллективным устремлениям. Они могут и разъединять, порождая хаос в сознании и лишая надежд на новые горизонты бытия. Такие устойчивые аттракторы хаоса, в течение уже многих лет «раздирающие» сознание миллионов мыслящих граждан России «молодой», связаны с историей.

Прилавки книжных магазинов сейчас заполнены всевозможной исторической литературой – от сборников документов до романов, охватывающих практически все этапы и грани нашей цивилизации. Но одновременно все чаще возникают скандалы по поводу учебников отечественной истории. Они становятся предметом обсуждения на самых высоких уровнях: в Государственной думе, в Общественной палате, в комиссиях, создаваемых указами президента Российской Федерации.

Для широкой общественности стали доступными, например, свидетельства, мемуары, документы, аналитические выкладки, связанные с Великой Отечественной войной. Но указание президента страны, данное военным историкам в 2003 году, о необходимости иметь официальную версию истории самой кровопролитной и эпохальной для нашего народа и всего человечества войны не выполнено.

История неотделима от информационных взаимодействий, которые составляют основу отношений между людьми и народами как по «горизонтали», то есть здесь и сейчас, так и по «вертикали», то есть охватывая прошлое, настоящее и будущее. Сама же информация является источником и генератором социально-психологической энергии, которую в «вертикали» взаимосвязей прошлого, настоящего и будущего можно обозначить и исторической энергией. Более того, информационные воздействия являются теми запалами или спусковыми крючками, которые вызывали, вызывают и будут вызывать разрядку этой энергии. Но разрядка потенциалов энергии, накапливаемой народами, сообществами, выдающимися представителями своих эпох, приводит к решениям и поступкам и в результате судьбоносным событиям, анализ которых и является предметом истории. Основные проявления информации в открытых системах позволяют построить новую систему координат.

Во-первых, информация возникает в процессе реакций на внешние воздействия, которые испытывают объекты живой природы. Реактивная информация рождается в нашем сознании как функция целевой интерпретации того, что мы видим, слышим, ощущаем. Именно реактивная информация позволяет объектам живой природы адекватно реагировать на внешние воздействия, а людям понимать суть происходящих событий, их связь с прошлым и влияние на будущее.

Во-вторых, информация, возникая в открытых системах в процессе реакций, в ходе целевых интерпретаций может накапливаться на определенных носителях. Здесь мы сталкиваемся с ресурсной информацией. Эволюция живой материи связана с накоплением и передачей биологической ресурсной информации. В генетических кодах, в строении органов и тканей, в обменных процессах мы видим проявление ресурсной информации. На различных носителях накапливается и социальная ресурсная информация, которая включает исторические сведения. Буквально все существенные этапы становления цивилизации связаны с усовершенствованием технологий накопления и передачи ресурсной информации (от наскальных рисунков до электронных носителей).

Третья проекция информации в открытых системах – фоновая. Все, что мы видим, слышим, ощущаем, осязаем, может не вызывать у нас видимых реакций, не иметь ресурсного значения, однако именно окружающий нас фон отражает существующую реальность в доступных для восприятия формах. Если мы попадаем в обстановку прошлых веков, знакомимся с произведениями искусства, технологическими достижениями ушедших поколений, мы попадаем под воздействие исторической фоновой информации. Известны случаи, когда, окружая себя атрибутами той или иной эпохи, человек психологически оказывался в другой исторической реальности.

В целом реактивная информация в открытых системах позволяет объектам природы выживать, адекватно реагируя на внешние воздействия, а людям понимать суть происходящего, осознавая себя в исторических процессах; ресурсная информация передает опыт выживания и осознания следующим поколениям; фоновая информация включает тончайшие механизмы адаптации к изменяющимся условиям обитания у объектов живой природы или к условиям социального окружения у людей. Причем если реактивная и ресурсная информация бывает постоянно востребована активной частью населения, непосредственно принимающей участие в исторических процессах: войнах, революциях и контрреволюциях, восстаниях и перестройках, то фоновая информация помогает подавляющему большинству людей пережить эти социально-политические катаклизмы, приспособляя их к восприятию перемен, адаптируя к реально происходящим событиям и неизбежной переоценке исторического прошлого.

Три вектора построения истории. Находясь в информационных координатах, то есть опираясь на ресурсные, реактивные и фоновые проявления информации, можно наметить основные векторы формирования исторических знаний.

Во-первых, фундамент исторического здания составляют ресурсы сведений, данных, знаний о прошлом. Естественно, это дошедшие до нас вполне определенные материальные и документальные свидетельства: данные археологии, объекты архитектуры, письменные и художественные произведения, артефакты, объективно свидетельствующие о технологическом и культурном уровне людей, живших в те или иные эпохи. Ресурсом исторического познания является фактография – последовательность событий, фактов, обстоятельств, засвидетельствованная в письменных источниках, да и в памяти людей, если речь идет о не очень давних событиях. К ресурсам также можно отнести исторические труды и исследования, имеющие целью фактографическую реконструкцию событий прошлых лет и веков.

Второй вектор, без которого немислим исторический анализ, обозначим как реактивный. Он неизбежно связан с интерпретацией имеющихся данных, сведений, материальных и нематериальных свидетельств. Только в процессе концептуального осмысления имеющихся исторических ресурсов рождаются новые знания. Дело в том, что новая информация в открытых системах возникает в процессе реакций как на внешние воздействия, так и на внутренние побуждения и стремления, будь то простейший организм, отдельная личность, социальная группа, элита общества или весь народ. Естественно, такая «историческая» информация рождается как интерпретация накопленных знаний о прошлом. Но это не просто некая «вкусная», случайная, интуитивная или логическая интерпретация. Это, прежде всего, целевая интерпретация, которая является неизбежной реакцией на запросы того или иного общества. Она отражает определенные этапы его социально-политического развития. Интерпретация исторических событий, как правило, осуществляется в интересах правящих элит или зарождающихся контрэлит. Она даже может быть связана со стремлением самоутвердиться гениальному мыслителю или сделать карьеру авантюристу от науки.

Но целевая интерпретация исторических фактов, в свою очередь, немислива без третьего вектора проявления информации в открытых системах, то есть того фона, который или объединяет общественное сознание, или дробит его на отдельные осколки. Говоря о третьем фоновом векторе истории, нельзя пройти мимо идеологии.

Под идеологией в данном случае будем иметь в виду не только всеобъемлющую систему взглядов и идей, в которых воспринимается и оценивается окружающая реальность, и не только глобальную матрицу обоснования права на тот или иной образ жизни, деятельности, мыслей, но и необходимый интеллектуально-духовный компонент, без которого не может быть полноценной жизни ни человека, ни общества.

Периодически возникают разговоры о необходимости идеологии «инновационного развития», «суверенной демократии», «пятой империи», «евразийской самобытности», появляются манифесты прогрессивного, консервативного или патриотического толка, но чаще об идеологии вообще стараются не вспоминать. И напрасно, поскольку ни история прошлого, ни перспективы будущего не вырисовываются без идеологического фона, то есть без позиции «художника». В свою очередь, идеология развития общества не может быть оторвана от его истории.

Более того, хотя будущее и можно представить многовариантным, на самом деле история того или иного народа, или этноса, глубоко инерционна. Она исходит из себя самой, из многовековой данности национальных традиций. Здесь, как говорится, «от себя не уйти». В таком ракурсе «построение» истории в ресурсных, реактивных и фоновых координатах имеет принципиальный характер для общества, претендующего на место под солнцем здесь и сейчас, в обозримой перспективе и в отдаленном будущем.

«Ледоколы» истории на мелях мировых идеологий. Памятные даты, связанные со Второй мировой войной, отмечаются как мировой общественностью, так и в нашей стране. Разноголосица подходов к изучению причин войны, анализу хода военных действий и оценке достигнутых результатов чрезвычайно болезненна для общества. Среди нас живут ветераны – участники и свидетели, победители и побежденные, герои и трусы, бойцы и командиры, выполнившие свой долг, и предатели, воевавшие на стороне врага, понесшие наказание и невинно репрессированные, их дети, внуки и правнуки.

Такой идеологический штамп, как «красно-коричневые», сыграл роль одного из мощных аттракторов хаоса в общественном сознании и нанес болезненный удар по психологии нескольких поколений людей, воспитанных в советских традициях. Этот деструктивный психологический вирус, вброшенный в 90-х годах, продолжает размножаться, находя питательную среду. Европейским международным судом в 2006 году была принята резолюция, осуждающая так называемые тоталитарные режимы, будь то фашистский или коммунистический.

Продолжают «всплывать» свидетельства и документы, якобы показывающие, что истоки и причины Второй мировой войны необходимо искать не столько в фашистской Германии, сколько в коммунистическом Советском Союзе. Аналитика Виктора Суворова (В. Резуна), десятки «ледоколов» которого наполняют прилавки ларьков и магазинов, детально показывает, что военный потенциал Советского Союза в 1941 году в несколько раз превосходил германский.

Убедительность доводов бывшего офицера ГРУ, нашедшего убежище в Англии, опирается на предельно четкую антикоммунистическую позицию. Но именно открыто обозначенные цели интерпретации исторических событий и ретроспективный анализ возможных альтернативных сценариев заставляют просто преклоняться перед грандиозностью замыслов, достижений и исторической миссии, которая выпала на долю народов нашей великой многострадальной страны.

Следуя заветам основоположников коммунистической доктрины о том, что война – это мать революции, вся политика первого на планете социалистического государства была направлена на осуществление мировой революции, а значит, и на войну, которая планировалась как серия грандиозных наступательных операций. В одной из своих последних книг, «Разгром», В. Суворов проводит более чем по тридцати позициям аналогию между Гитлером и Сталиным, между фашистским режимом и социалистическим строем. Действительно, многое

совпадает – от усов у вождей до красного цвета знамени. Однако было опущено самое существенное – идеология.

Вообще взаимосвязь исторических событий и мировых идеологий сейчас старательно затушевывается. Хотя именно идеологии как глобальные матрицы обоснования права на веру, убеждения, мессианство, на завоевания и экспансию, на защиту и освобождение были рычагами основных разворотов в становлении современной цивилизации.

Еще недавно было бы просто кощунственно сравнивать коммунистическую идеологию и фашистскую. Сегодня же, когда делаются попытки их просто смешать и представить в сознании будущих поколений некоей красно-коричневой чумой XX века, необходимо четко представлять, что обе идеологии – и коммунистическая и фашистская – как глобальные матрицы обоснования права не только допускали, но и были нацелены на насилие для достижения поставленных целей. Достаточно вспомнить слова революционного гимна: «Мы старый мир разрушим до основания, а затем...» Но здесь же сходство и заканчивается.

Ни один трезвомыслящий человек и не провокатор не поставит знака равенства между идеологией, провозглашающей превосходство одних и уничтожение других народов, и идеологией освобождения трудящихся от капиталистической эксплуатации и колониального гнета. Преступно смешивать человеконенавистническую фашистскую идеологию расового превосходства, обосновывавшую право на уничтожение миллионов граждан, и коммунистическую идеологию, допускавшую и даже нацеленную на революционное насилие во имя социальных преобразований, направленных на утверждение принципов справедливости, равенства и единения людей, непосредственно создающих национальные ценности и ресурсы цивилизации.

Загадки исторических драм. Одни из самых драматичных страниц нашей истории связаны с началом Великой Отечественной войны, а точнее, с тем сокрушительным разгромом и огромными потерями, которые понесла Красная армия в первые дни, недели и месяцы войны.

Ответы на эти загадки истории можно получить, непосредственно опираясь на новые представления о свойствах информации в открытых системах.

Было ли известно о неизбежности германского нападения? Безусловно, да. Готов ли был Советский Союз к большой войне? Конечно да. Боялись удара со стороны Германии? По-видимому, нет. Почему? Потому что высшее политическое руководство страны оперировало той реактивной информацией, которая рождалась в процессе интерпретации стратегических целей и тактических задач, формировавшихся на фоне коммунистической идеологии.

Именно идеология, направляя глобальную геосоциополитику на мировую революцию, была естественным фоном форсированной индустриализации, наращивания военной мощи и, можно сказать, духовно-нравственной подготовки народов к будущим сражениям. Этот духовный, в определенной мере мессианский, нравственный потенциал формировался, укреплялся и доминировал в советском обществе не только перед войной.

Нет ничего противоестественного в том, что Советский Союз в 30–40-х годах готовился к большой войне, стремился извлечь максимум выгоды и получить преимущества накануне и в ходе начавшейся Второй мировой войны, наконец, в том, что планировал и готовил грандиозные наступательные операции в Европе.

Если же обратиться к роли личности в истории, то окажется, что решающее значение имеет собственно та реактивная информация, которая рождается и владеет сознанием этой личности. Здесь-то история и подбрасывает самые «злые шутки», когда вопреки здравому смыслу, логике и расчетам те или иные личности, от которых зависит ход истории, руководствуются исключительно своими представлениями, планами и амбициями!

Драма начального этапа войны заключалась в том, что военный потенциал и ресурсы Советского Союза действительно были таковы, что можно было не беспокоиться об обороне. Народы оккупированных фашистами стран Европы ждали освобождения. Будущие союзники просили о помощи и подталкивали к решительным действиям. Нет ничего удивительного в

том, что ударные силы советских войск были сконцентрированы на западных границах, естественно, не для защиты рубежей. Но именно эти факторы и заставили военно-политическое руководство Германии принять самоубийственное решение о нападении, которое ценой беспрецедентно высоких жертв с обеих сторон только отсрочило неизбежное поражение немцев.

Нельзя исключать сигнального воздействия на развитие ситуации тех факторов, которые, казалось бы, не могли иметь решающего значения. Глобальной задачей геополитики с другой, то есть с атлантической и тихоокеанской, стороны было максимальное ослабление как врагов, так и союзников обеих континентальных цивилизаций (советской и германской). Незадолго перед советско-германским столкновением на секретном совещании военного руководства в США четкие аналитические выкладки показали, что в случае удара советской армии в июне – июле 1941 года Германия потерпит поражение в течение 7–10 недель и большая часть континентальной Европы перейдет в сферу коммунистического проекта. Но при ударе германских войск война на европейской арене примет затяжной характер, что в итоге станет мощнейшим стимулом развития американской экономики и залогом будущего мирового доминирования.

Так, собственно, и получилось, и на осколках двух мировых идеологий, скомпрометировавших себя правом на насилие, сформировалась идеология «мирового порядка» и «политкорректности», с правом учить и заставлять народы жить по западным «демократическим» стандартам, не брезгуя при этом диверсионно-террористическими спецоперациями, бомбежками, «цветными» революциями и прямыми военными интервенциями.

В целом, вникая в причины и последствия побед и поражений, важно понимать, что истинные «кукловоды» истории могут оставаться в такой глубокой тени тайной дипломатии и скрытых информационно-психологических воздействий, что о них можно только догадываться, стараясь найти объяснения происшедшим событиям. Одновременно возникает ощущение, что далеко не все развороты истории поддаются рациональному анализу и мы сталкиваемся с проявлением действия сил, истоки которых лежат за пределами нашей реальности.

Ресурсы знаний, идеологический фон и позиционные интерпретации. Пытаясь понять причины исторических коллизий, мы сталкиваемся как с колоссальной многофакторностью взаимодействий, так и с синергией открытых систем, когда вклад отдельных факторов не только неаддитивен, но и приводит к катастрофическим последствиям. Определенно негативную роль в беспрецедентных неудачах и потерях советской армии в первые дни войны сыграла история предыдущих войн. Высшее военно-политическое руководство страны прекрасно понимало бесперспективность позиционного противостояния в Первой мировой войне, поэтому опиралось на уникальный опыт глубоких наступательных операций, решивших победный исход Гражданской войны. Только в 1943 году в переломном грандиозном сражении под Курском успешному наступлению советских войск предшествовала глубоко эшелонированная стратегическая оборона. Этому центральному периоду Великой Отечественной войны и эпохальному сражению мировой истории посвящено предлагаемое исследование.

Курская битва являет собой грандиозное военно-историческое событие Второй мировой войны, включающее сражения под Курском, Орлом, Белгородом и Харьковом, которые продолжались около двух месяцев, – первые бои в сражении за Курск начались 4 июля, а последние, под Харьковом, оканчивались уже в последних числах августа 1943 года. Историография Курской битвы весьма обширна. Только ей можно было бы посвятить отдельное исследование. Мы ограничимся указанием наиболее знаковых работ, которые представляют определенные этапы на пути исторического исследования военных действий в июле – августе 1943 года на курском, орловском и белгородско-харьковском направлениях и составляют ресурсы имеющихся исторических знаний.

Первые серьезные исследования событий Курской битвы были предприняты советскими военными историками. Еще до окончания войны Управление по изучению военного опыта Генерального штаба Красной армии, отвечавшее за анализ и обобщение боевого опыта, подго-

товило ряд тематических обзоров по оперативно-тактическим особенностям проведения войсковых операций в Курской битве. С января по апрель 1944 года были выпущены, например, сборники материалов по изучению опыта войны: «Прорыв обороны на фланге орловской группировки немцев», «Маневр подвижными противотанковыми резервами в оборонительной операции», «Некоторые вопросы боевого использования артиллерии (по опыту боев на орловско-курском направлении)», «Танковые войска в обороне Курского плацдарма». Закономерно, что первой фундаментальной исторической работой, посвященной истории Курской битвы, также стало исследование Генерального штаба. Сразу же после войны, в 1946–1947 годах, Военно-историческое управление Генерального штаба Вооруженных сил СССР подготовило и выпустило фундаментальный труд «Битва под Курском», который затем планировалось расширить до многотомной монографии.

Однако уже в тот период данный труд получил много критических отзывов в военно-научной среде, поскольку содержал в основном подробное описание боевых действий с советской стороны только на оперативно-тактическом уровне. При этом не было анализа замыслов и действий противника, его численности и потерь. Отсутствовала и комплексная оценка решений и действий обеих сторон на оперативно-стратегическом уровне, фактически умалчивалось об ошибочных решениях советского командования. В итоге состоявшихся обсуждений никакого продолжения и развития исследование так и не получило. Тем не менее когда уже в 2006 году оно было опубликовано под названием: «Битва под Курском: От обороны к наступлению», то в предисловии редакции указывалось, что большинство книг о Курской битве, выпущенных в последующие 50 лет, носили мемуарный характер либо представляли собой упрощенные переложения генштабовской работы.

В действительности проблематика Курской битвы продолжала периодически возникать в отдельных исследованиях советских военных историков, например в сборнике статей: «Прорыв подготовленной обороны стрелковыми соединениями: По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», вышедшем в 1957 году. В совокупности с сотнями мемуарных свидетельств участников и очевидцев событий в звании от маршала до рядового, а также работников тыла, которые широко издавались в 1960–1980 годах, труды Генерального штаба представили достаточно объективную и качественную картину событий с советской стороны. Они послужили основой для последующей исторической работы, в том числе при подготовке соответствующих тематических разделов в различных энциклопедических изданиях, посвященных истории Великой Отечественной войны.

Значимым этапом в исследовании Курской битвы явилась одноименная работа «Курская битва» военных исследователей Г. Колтунова и Б. Соловьева, вышедшая в 1970 году. В данном труде был тщательно собран, обобщен и проанализирован историографический материал, накопленный специалистами Генерального штаба. Это исследование до настоящего времени является фактически справочным в части изложения оперативных замыслов и планов советского командования; качественной и количественной характеристики сил и средств Красной армии, сосредоточенных на курском, орловском и белгородско-харьковском направлениях; расчета оперативных плотностей на разных участках фронта; указания диспозиций и группировок войск; изложения общего хода операций; подготовки картографических материалов. По существу, работа Колтунова и Соловьева представляет собой окончательное развитие и завершение военно-исторической традиции Генерального штаба.

Начиная с 1968 года функции военно-исторического анализа постепенно перешли от Генерального штаба к вновь созданному Институту военной истории Министерства обороны СССР. С этого момента приоритет идеолого-пропагандистской составляющей обусловил постепенную деградацию военно-научных исследований. Публикации стали готовиться не столько в интересах боевой подготовки войск, сколько для обеспечения военно-политического аппарата вооруженных сил и укрепления идеологических позиций в управлении социальными

процессами. Это до некоторой степени лишило исследования прежней глубины, точности и беспристрастности. Последующий «советский» период изучения Курской битвы характеризовался главным образом выпуском различных юбилейных изданий, которые готовились по принципу компиляции отрывков из указанных выше трудов и мемуарных свидетельств (одним из последних примеров такого рода изданий является коллективный труд «*Огненная дуга*», опубликованный уже в 2003 году). Лишь изредка в этот период появлялись труды, открывавшие новые ракурсы военно-исторического анализа битвы, например исследование В. Иминова «*Организация и ведение обороны в битве под Курском на примере 13-й армии Центрального фронта (июль 1943 г.)*», подготовленное в 1979 году.

В целом, учитывая политическую ангажированность деятельности военных историков, их работы, несмотря на различие по методическому и методологическому уровням исследования, не свободны от ряда типичных недостатков и ограничений, связанных, прежде всего, с установкой на доказательство неоспоримого превосходства Красной армии над вермахтом летом 1943 года. Отсюда прослеживается стремление всех авторов манипулировать цифрами соотношения сил, средств и боевых потерь, подчеркнутое невнимание к противнику относительно качества боевой работы его войск и оперативного искусства командования на армейском, корпусном и дивизионном уровнях, некритический подход к оперативным решениям советского командования, замалчивание неудач и ошибок, превознесение характеристик своей боевой техники. Опять-таки в силу идеологизированной интерпретации событий количественные оценки в большинстве советских военных исследований немногочисленны и не достоверны. Ситуацию здесь радикально изменил выход военно-статистического исследования «*Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование*». Хотя и оно отражало лишь главные количественные показатели по силам и средствам на уровне крупных войсковых объединений к началу и окончанию операций стратегического характера на советско-германском фронте, что не позволяло уточнить динамику наличия сил и средств и их потери за те или иные периоды времени по ходу операции, а также на уровне оперативных и оперативно-тактических объединений (в особенности по потерям боевой техники).

Переходя к следующему периоду в отечественном изучении истории Курской битвы, необходимо отметить, что в последние годы был подготовлен и опубликован ряд выдающихся исследований российских историков, весьма подробно отражающих некоторые основные моменты и события битвы. Это работы В. Замулина («*Прохоровка – неизвестное сражение Великой войны*»), Л. Лопуховского («*Прохоровка. Без грифа секретности*»), В. Горбача («*Над Огненной Дугой. Советская авиация в Курской битве*»), В. Давыдова («*Анализ Курской битвы: историко-документальная эпопея*»). Их отличает сосредоточение внимания авторов на детализации событий, которая дана весьма качественно, с привлечением обширного круга источников, открывающих новые аспекты Курской битвы. Интересные работы, касающиеся Курской битвы, подготовлены Г. Олейниковым, Б. Соколовым, М. Свириным, М. Коломийцем. Весьма емкими ресурсными источниками стали сборники документов, публиковавшиеся издательством «Терра» в серии «Русский архив: Великая Отечественная». В то же время практически все указанные исследования и работы были посвящены либо отдельным операциям Курской битвы, либо специальным вопросам, таким как особенности боевого применения авиации или бронетанковых войск. Соответственно, та исследовательская задача, которая была сформулирована в 1968 году по итогам научной конференции, посвященной 25-летию Курской битвы: оценить соответствие между оперативно-стратегическими решениями обеих сторон, повлекшими соответствующие затраты сил и средств, и достигнутыми в итоге битвы результатами, так и осталась нерешенной. Нового комплексного аналитического исследования Курской битвы в российской историографии до настоящего времени так и не появилось, хотя оно крайне необходимо с учетом появления большого объема не принимавшихся ранее во внимание данных и сведений о противнике.

Первичными источниками о Курской битве с германской стороны были мемуары и военно-исторические исследования немецких военачальников. Наиболее известные источники – работы Г. Гудериана, Э. Манштейна, Ф. Меллентина, В. Неринга, Л. Рендулича, К. Типпельскирха и некоторых других авторов, где имелись разделы, посвященные битве, – были известны в СССР и эпизодически использовались Генеральным штабом в сочетании с трофейными материалами, а также более поздними трудами западногерманских историков: В. Герлица, Я. Пикалькевича, К. Рикера, К. Центнера, Й. Энгельманна и др. При этом, исходя из идеологических установок, советские историки исключали из числа источников некоторые весьма авторитетные материалы, например специальное исследование участника Курской битвы с германской стороны, командира частей и соединений войск СС С. Штадлера «Наступление под Курском». Более того, вообще не учитывались обширные, но разрозненные данные, которые содержались в историях отдельных немецких частей и соединений, участвовавших в Курской битве, публиковавшиеся в Западной Европе и США.

Вместе с тем недостаточное внимание к германским источникам объясняется не только их разрозненностью или пропагандистскими соображениями. Если попытаться оценить перечисленные выше работы в общем плане, то всех их в большей или меньшей степени отличает «взгляд побежденных», то есть пристрастная интерпретация событий с позиции оправдывающихся. Эта позиция отражается стремлением представить немецких солдат и офицеров «джентльменами поля битвы», а также возложить всю ответственность за ошибки, неудачи и военные преступления на Гитлера и его ближайшее окружение, а также тех военачальников, кто не смог или не стал оправдываться после войны, активно сотрудничая с оккупационными властями. Немецкие исследования Курской битвы имеют скорее обзорный характер, поскольку авторы не располагали ни точными данными о советской стороне, ни данными о численности и потерях собственно германских войск.

В то же время, помимо хорошо известных публикаций крупных германских военачальников, в США был собран значительный объем неопубликованных первичных источников, неизвестных широкому читателю, – это тематические очерки и аналитические обзоры германских военных, которые в первые послевоенные годы согласились подготовить материалы для Исторического отдела командования Вооруженных сил США в Европе (Historical Division of USA European Command). В их число входят, например, теперь хорошо известные работы Э. Рауса (сведенные в общий труд под названием «Танковые сражения на Восточном фронте»), а также Г. Хейнрици и Ф.В. Гаука («Цитадель»: атака на Курский выступ русских»). Кроме этих значительных по объему исследований, тогда же было аккумулировано множество отдельных тематических отчетов участников Курской битвы из числа германских офицеров армейского, корпусного и дивизионного звена управления: Г. Брейта, Т. Буссе, Г. Зейдемана, Ф. Клесса, Г. Теске, Р. Романа, Ф. Фангора.

Американские военные историки Д. Гланц, С. Ньютон, Дж. Хауз обработали имеющийся в их распоряжении массив этой уникальной ресурсной информации, представляющей профессионально выполненный анализ различных тактических, оперативных и стратегических аспектов войны на советско-германском фронте. В итоге результаты исследований, в особенности, на наш взгляд, выводы С. Ньютона, являются наиболее достоверными и обоснованными в части действий и решений германского командования. В совокупности с материалами о ходе боевых действий, изложенными в работах П. Кареля и В. Хаупта, исследования Д. Гланца и С. Ньютона позволяют сформировать достаточно полное представление о войне «по-германски» на Восточном фронте. В сравнении с трудами Д. Гланца и Дж. Хауза («Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны»), а также С. Ньютона («Курская битва: немецкий взгляд»), другие работы, например исследования У. Данна («Курск: рискованная ставка Гитлера, 1943») или Р. Кросса («Операция «Цитадель»»), являются больше компилятивными и не содержат существенно значимой новой информации или новых аналитических выводов.

В то же время американские и западноевропейские авторы, концентрируя свое внимание на операции вермахта «Цитадель», оставляют почти без внимания операции советской армии «Кутузов» и «Полководец Румянцев», превосходящие «Цитадель» по своим масштабам и последствиям. Их исследования опять-таки ограничены отсутствием достоверных данных о потерях с обеих сторон на различных этапах битвы. Относительно германской стороны это ограничение было частично устранено лишь благодаря работам немецкого военного историка К.Г. Фризера и труду шведских военных историков Н. Цеттерлинга и А. Франксона «Курск 1943: Статистический анализ», вышедшему в Лондоне в 2000 году. Указанные авторы оперировали в основном данными, полученными из Федерального военного архива Федеративной Республики Германии (ВА-МА). Заметим, что, пользуясь этим же ресурсами, Н. Цеттерлинг несколько ранее, в 1996 году, подготовил исследование «Потери на Восточном фронте во время Второй мировой войны». Но и эти работы оказались не свободны от тенденциозности, парадоксальным образом оставаясь в рамках традиции «взгляда побежденных». Авторы явно стремятся преуменьшить как потери германских войск в ходе операции «Цитадель», так и вообще значимость операции в целом.

Таким образом, при всех отличиях методологических принципов изучения истории Курской битвы беспристрастный взгляд показывает, что почти все указанные выше исследования являются в первую очередь различными интерпретациями событий, которые отражают идеологические позиции авторов в оценке истории. Так, например, С. Ньютон, пытаясь объективно критиковать немецких военачальников и четко показывая допущенные ими ошибки, в целом оказывается «заложником» их версий происходившего и разделяет общие выводы именно германского генералитета по поводу Курской битвы. Знаменательно, что аналогичной тенденцией отмечены и труды одного из лучших аналитиков в сфере военной истории Б. Лиддел-Гарта в той их части, которая посвящена войне на советско-германском фронте.

Построение истории. История, какой бы объективной или не объективной она ни представлялась, какой бы правильной или неправильной ни была, всегда неизбежно является позиционной. Попытки создания неких стабильных учебников, где бы излагалась какая-то усредненная или компромиссная история, с треском провалились. К примеру, немцы с поляками полтора десятилетия пытались создать такой современный учебник, и ничего у них не вышло.

В этом плане предлагаемый на суд читателей труд а является своего рода уникальной попыткой представить события Курской битвы с позиции свободной от господствовавших ранее идеологических ограничений и превалирующих задач превознести или принизить роль и значение тех или иных эпизодов, решений, успехов и неудач. Перед нами комплексное объемное монографическое исследование, в основе которого аналитическая обработка ресурсов исторических данных, сведений, документов и свидетельств, в значительной мере свободная от пристрастного отношения к победителям или побежденным. Основное внимание аналитика направлено на исследование оптимальности тех или иных решений как советских, так и германских военачальников.

Ведение военных действий и управление войсками относятся к экстремальным видам социальной деятельности, где ошибки неизбежны в силу самого характера и условий этой деятельности. Все известные в истории «великие полководцы» совершали ошибки, причем во многих случаях они имели решающее влияние на судьбу военных кампаний. Но констатация и смакование ошибок военачальников мало что прибавляет к пониманию существа происходивших событий. Необходимо проанализировать совокупность факторов, детерминировавших принятие ошибочных решений, чтобы выявить существенные закономерности в деятельности отдельных военных вождей или целых военных систем. Здесь-то автором и проделана значительная работа по анализу огромного массива ресурсной информации обо всех операциях Курской битвы. Исследование отличает даже корректное использование математико-статистических методов обработки данных. В отличие от предшествующих заданных интерпретаций

результаты проведенных исследований направлены на установление целесообразности и обоснованности оперативных и оперативно-тактических решений командования с обеих сторон в реально складывавшихся ситуациях. При этом рассматриваются и альтернативные варианты решения оперативных задач. Еще раз отметим, что такой подход прямо противоположен имевшим место ранее идеологизированным интерпретациям событий, когда априори постулировалось, что цель оправдывает средства, и, таким образом, любые жертвы были оправданы для достижения тех или иных оперативных и стратегических задач.

Необходимо обратить внимание, что можно по-разному оценивать события тех лет и их последствия. Но то обстоятельство, что одним из центральных моментов истории XX века была смертельная схватка двух мировых идеологий – коммунистической и фашистской, жизнеутверждающей и человеконенавистнической, обосновывающей право на освобождение и обосновывающей право на порабощение, еще долгие годы будет отдаваться эхом в интерпретации таких столкновений, в которых ни одна из сторон не считалась ни с какими жертвами.

В этой ситуации автор делает попытку анализировать переломные моменты истории, не снимая ответственности за необоснованные потери и жертвы ни с одной, ни с другой стороны, представляя суть происходившего в обостренной правдивости фактов и аналитики...

Именно такой подход сейчас крайне необходим, чтобы ослабить действие аттракторов хаоса в историческом сознании общества, отойти от идеологического противостояния, сужающего это сознание до озлобленности к расширению границ понимания неразрывной связи событий прошлого, настоящего и будущего. Непредвзятый, искренний, страстный подход к истории людей, обладающих научным мышлением и методами аналитической обработки ресурсов данных и сведений, должен позволить общественному сознанию выработать общую консолидированную позицию к нашему прошлому, что открывает возможность перехода и к тому, что очень емко отметил русский историк и философ И. Забелин в конце XX века: *«Всем известно, что древние, в особенности греки и римляне, умели воспитывать героев... Это умение заключалось лишь в том, что они умели изображать в своей истории лучших передовых своих деятелей не только в исторической, но и поэтической правде. Они умели ценить заслуги героев, умели различать золотую правду и истину этих заслуг от житейской лжи и грязи... Они умели отличать в этих заслугах не только реальную и, так сказать, полезную их сущность, но и сущность идеальную, то есть историческую идею исполненного долга и подвига, что возвышало характер героя до степени идеала».*

Так какая нам нужна история? И нужна ли она вообще? Из глубины древности до нас дошли мысли о то, что *«та или другая слава и знаменитость народа или человека в истории зависит вовсе не от их славных или бесславных дел, вовсе не от существования исторических подвигов, а в полной мере зависит от искусства и умения или даже от намерения писателей изображать в славе или уничтожать народные дела и деяния исторических личностей».*

Пройдут столетия, отойдут в тень разногласия, но, как в древних мифах, останется память о героях, мудрецах и провидцах, о трусах, глупцах и предателях. История создавалась раньше и будет в дальнейшем строиться и выкристаллизовываться с развитием общественного сознания, которое аккумулирует интеллектуальное и духовное подвижничество лучших представителей народа. Предлагаемый вниманию читателей труд можно рассматривать как весомый вклад не только в историческое познание, но и в формирование общенациональной позиции в условиях крайне поляризованных оценок недавних событий родной истории.

*Овчинский Анатолий Семенович
доктор технических наук, профессор*

Введение

Актуальность данной работы обусловлена многовековой историей военного противостояния русских и немцев на границе Западной и Восточной Европы. Периодически возобновляющаяся вооруженная борьба, где сторонами конфликта выступали русские и немцы, имела результатом огромные потери среди воинских контингентов и мирного населения воюющих стран. Тем не менее в России и германских странах до настоящего времени не сформировано ясной позиции по поводу внутреннего смысла многочисленных повторяющихся войн между ними, которые по ожесточенности и количеству жертв с обеих сторон не имеют равных в обозримой истории настоящей человеческой цивилизации. Примитивные трактовки на уровне понятий «жертва/агрессор» не позволяют окончательно разрешить и оставить в прошлом почти тысячелетний спор двух этнических групп, которые доминировали в Западной и Восточной Европе.

Относительно целей и задач исследования мы не стремились ввести в научный оборот и представить читателю ранее неизвестные ему факты, тем более что в последнее время нельзя быть уверенным в их новизне в условиях постоянного появления в огромном количестве все новых российских и зарубежных работ, посвященных истории Второй мировой войны. Однако при внимательном рассмотрении многие из этих работ лишены самого главного, а именно анализа излагаемых фактов, который позволяет ответить на вопрос о причинах событий, степени их обусловленности и закономерности в связи с окружающими условиями. При этом, как отмечает американский историк С. Ньютон (Steven Newton)¹, достаточно много общепризнанных интерпретаций и трактовок событий Второй мировой войны построено на основании каких-то исходных данных, которые, как впоследствии выясняется, были вымышленными или просто ошибочными. Именно отсутствие во многих исследованиях ответов на вопросы по поводу обусловленности и закономерности тех или иных событий и ситуаций, а также необоснованные трактовки, «голословные» суждения и выводы, не подкрепленные ни фактически, ни аналитически, и побудили автора к подготовке своей работы. Объективную оценку полезности и необходимости предпринятого труда покажет степень читательского интереса к работе.

С фактографической стороны история любой войны представляет собой совокупность множества личных историй всех ее участников, пересекающихся друг с другом в контексте динамического развития военных событий и ситуаций. Однако подробное рассмотрение всех этих отдельных историй вовсе не означает понимания природы войны и ее основных закономерностей. Точно так же по своему содержанию военные действия складываются из множества боевых столкновений вплоть до индивидуальных вооруженных противоборств, когда победу обеспечивает в конечном итоге большая сумма противоборств, выигранных одной из сторон. Тем не менее для выявления существенных закономерностей, решающим образом повлиявших на ход и определивших исход всех этих противоборств, нецелесообразно детально изучать каждое из них. Для решения указанной задачи требуется исследование самых существенных признаков происходившей вооруженной борьбы на общем уровне, поэтому все более и более подробное рассмотрение отдельно взятого боя или даже крупной операции не позволяет понять закономерности развития боевых действий вообще. Здесь требуется синтез разрозненных фактов на более высоком уровне, когда эти факты соотносятся с оперативными и тактическими формами боевого применения войск в данный период времени, их вооружением, наиболее распространенными тактическими приемами и способами ведения боя. Только тогда хроника отдельных боев и личные свидетельства участников войны позволяют определить, насколько организация военного дела, то есть усилия военно-политического руководства

---

¹ Ньютон С.Х. Курская битва: немецкий взгляд. М.: Яуза, Эксмо, 2006. 576 с. С. 189.

страны, соответствовала реальным требованиям стратегической и оперативной обстановки на театре военных действий. Наиболее характерно и отчетливо все это проявляется в ходе больших сражений с решительными целями, при которых стороны противоборства задействуют все имеющиеся ресурсы для достижения успеха, а личные истории участников и прошедшие бои запечатлеваются в многочисленных мемуарных свидетельствах.

Именно поэтому в качестве центральной темы данного исследования выбрана Курская битва, история которой, по нашему мнению, содержит в себе все наиболее важные ретроспективные и перспективные стороны и аспекты военного противостояния на советско-германском фронте.

Благодаря историкам теперь хорошо известно, что история не имеет сослагательного наклонения. Однако если событие может быть реализовано только в единственном варианте, то его изучение не имеет никакой практической пользы, поскольку из этого нельзя извлечь никаких уроков или сделать прогностические выводы. По-видимому, точка зрения, что история не терпит сослагательного наклонения, выгодна тем, кто стремится закрыть саму возможность извлечения практических уроков из исторического процесса, запретив его действительно глубокое изучение под предлогом борьбы с так называемой «фальсификацией истории». Напротив, главная ценность истории заключается в сослагательном наклонении, поскольку только сравнительный анализ альтернативных вариантов позволяет предложить оптимальные способы действий в той или иной ситуации и предположить ошибочные (неоптимальные) действия и решения исполнителей и ответственных руководителей, приведшие к данному результату. Без такого анализа история становится более или менее подробным описанием хронологической последовательности фактов и событий, пригодным только для тренировки памяти и совершенно бесполезным для организации текущего управления социальными процессами.

Соответственно, основной смысл проведенного исследования Курской битвы заключается в ответе на следующие вопросы: 1) почему при всем богатстве выбора альтернативных вариантов действий противоборствующими сторонами был избран только тот, который и привел к известным последствиям; 2) кто непосредственно отвечает за верный или ошибочный выбор, сделанный в той или иной оперативной ситуации.

Вместе с тем, по нашему мнению, никто, кроме полевых командиров, не имеет морального права высказывать критические замечания в адрес рядовых солдат, а также офицерского состава батальонного, полкового и отчасти дивизионного уровня, потому что эти люди вместе участвуют в боях, постоянно рискуют своей жизнью, а также выполняют огромный труд (марши, оборудование позиций, охранение, разведка, обслуживание боевой техники и т. д.), перенося при этом все тяготы и лишения воинской службы (голод, холод, грязь, болезни). Однако высшие военачальники вполне подлежат критике, поскольку, во-первых, они добровольно взяли на себя ответственность за армию перед обществом и принимают решения, от которых прямо зависит судьба подчиненных солдат и офицеров – членов этого общества. Во-вторых, даже тогда, когда военачальники лично вели в бой свои войска, они оставались под прикрытием солдат, поэтому и опасность для их жизни всегда была меньше, чем для жизни солдата. Так, например, в битве под Полтавой погибло около 7 тысяч шведских солдат ($\approx 35\%$ общего состава армии), но при этом не был убит ни один из шведских генералов. С развитием технической стороны военного дела полководцы вообще все больше и больше удалялись от переднего края битвы на все увеличивающееся расстояние до места расположения своих командных пунктов. Поэтому, например, на советско-германском фронте в 1941–1945 годах боевые потери среди советского командного состава фронтового, армейского и корпусного уровня, включая военно-воздушные силы и военно-морской флот, составили всего 165 генералов и адмиралов – менее $0,02\%$ от безвозвратных потерь всего офицерского состава Крас-

ной армии (1023 тысячи человек)². Следовательно, на каждого погибшего в бою генерала или адмирала приходится свыше 6200 других безвозвратно выбывших из строя офицеров и военнослужащих, занимавших офицерские должности. Это на порядок больше соотношения между генералами и адмиралами и другими офицерами в действующей армии и на флоте. Так что война для крупных военачальников оказывается довольно безопасным видом деятельности, причем хорошо вознаграждаемым, недаром русская пословица говорит: «Кому война, а кому мать родна».

С другой стороны, хотя войны выигрывают солдаты, но, в отличие от огромного большинства забытых историей рядовых и офицеров, которые незаметно вели свои маленькие сражения, складывающиеся в общие победы или поражения, широко известными остаются только военачальники. Разные стороны образа этих людей отражаются в материализованной информации – анналах, летописях, мемуарах, документах, портретах, личных вещах и т. д. Это предопределяет наличие некоторого объема централизованных данных, позволяющих сделать выводы по поводу особенностей их личности, образа мышления и действий. Поэтому военные руководители являются уникальным объектом для изучения с точки зрения установления внутренней и внешней обусловленности их решений; определения степени влияния этих решений на реальное развитие событий; анализа спектра альтернативных решений и ближайших последствий их реализации. Кроме того, единолично консолидируя славу и известность, полководцы, соответственно, принимают на себя и коллективную ответственность за качество ведения и результаты войны. Следовательно, критика военачальника этически допустима, в отличие от критики в адрес солдата, жертвовавшего по приказу свыше своей жизнью, здоровьем и элементарным бытовым комфортом.

Тем не менее критика военачальников, по-видимому, должна несколько отличаться от суждений кадета, который всегда знает, как надо было выиграть проигранное сражение. Интересно проанализировать степень вероятности (реализуемости) альтернативных вариантов решений и действий полководца. Причем не углубляясь в развитие далекой от действительности так называемой «альтернативной истории», поскольку уже доказано, что в связи с многофакторной обусловленностью развития исторического процесса гипотетическое возмущение по одному из факторов все равно нивелируется остальными, что в более или менее обозримое время (в зависимости от силы возмущения) возвращает процесс к его наблюдаемому виду. В данной работе анализ различных вариантов развития событий служит целям лучшего объяснения существующей реальности.

Учитывая изложенное, основной целью исследования стало установить закономерности в решениях и действиях военного командования германских и советских войск, найти обусловленность этих закономерностей объективными и субъективными причинами, а также изучить динамику причинных связей в установленных исследованием временных рамках исторического процесса. Для достижения этой цели использовались методы познания, базирующиеся на синкретическом подходе к анализу исторической информации. Поэтому автор сосредоточил внимание на аналитической интерпретации имеющегося фактографического материала, стремясь использовать для этого максимально широкий круг источников информации, чтобы решить следующие задачи:

- 1) указать главные причины и факторы, определившие ход и исход вооруженного противоборства русских и немцев под Курском, Орлом, Белгородом и Харьковом летом 1943 года;
- 2) выявить закономерности развития оперативной ситуации на каждом из этапов Курской битвы, от обороны до наступления, для определения вероятности и целесообразности различных вариантов оперативных и тактических решений обоих противников;

---

² Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 608 с. С. 430–432.

3) установить степень боевого мастерства каждой из сражавшихся сторон на основе данных о геометрии операций, а также скорректированных сведений о наличии и потерях личного состава и боевой техники;

4) рассмотреть ход событий, исходя из личностного аспекта, показав широкий круг участников боевых действий с обеих сторон, чтобы акцентировать внимание на роли личности бойца и командира в решении тех или иных оперативных и тактических задач.

Вместе с тем в предмет исследования не входило изучение вопросов развития боевых средств, а также организации и тактики вооруженных сил противоборствующих сторон, поэтому они отражаются по мере необходимости, в связи с анализом тех или иных боевых действий.

Наряду с этим автор также не ставил перед собой задачу дать моральную или юридическую оценку гитлеровскому или сталинскому политическому режиму, поскольку разделяет мнение, что оба режима одинаково преступны, а их идеология по существу антигуманна и ограничивает основные возможности для реализации естественных и неотъемлемых прав и свобод человека. Вместе с тем такое убеждение отнюдь не препятствует выявлению и сопоставлению отдельных сторон военной деятельности Гитлера и Сталина, которые оба являлись главнокомандующими своими войсками на советско-германском (Восточном) фронте и в этом качестве оказали существенное, вероятно, даже определяющее влияние на ход и исход очередного вооруженного противоборства русских и немцев.

Преступный характер политического режима также не препятствует объективному анализу боевой работы особых военных формирований, имеющих политическую окраску, таких как части, соединения и объединения войск СС. Эсэсовцы решали те же типовые оперативные и тактические задачи, что и вся германская армия на Востоке, отличаясь только качеством решения этих задач.

Структура исследования построена по хронологическому принципу.

Основные источники, использованные при подготовке данной работы, можно разделить на следующие группы:

1. Специальная научная, учебная и справочная военная литература – являлась обязательной для формирования поля исследования в связи с необходимостью соблюдения выработанного в данной области социальной деятельности базового методологического подхода к интерпретации фактов, применения сложившейся системы понятий и определенной специальной терминологии.

2. Исторические и военно-исторические исследования – послужили в основном источником фактографической информации, поскольку обширные задачи, поставленные при подготовке настоящей работы, ограничили время на поиск информации. Идеи и выводы, привлекающие внимание в таких исследованиях, могут казаться интересными, однако они не свободны от влияния авторской позиции, а строгого формально-логического или математического доказательства исследуемых вопросов практически никогда не предлагается. В результате анализ одних и тех же фактов, изложенных в исследовании, но проведенный с другой точки зрения или на основе другого методического подхода, может привести к противоположным выводам.

3. Мемуарная литература – широко использовалась в качестве материала для сравнительного анализа с целью повышения достоверности имеющейся информации путем сопоставления дублирующих источников. Вообще, жанр мемуарной литературы подразумевает свободу авторской трактовки фактов и событий и широкое использование не подтвержденных или недостаточно подтвержденных субъективных оценочных выводов и суждений. Однако все это следует отнести в большей степени к мемуарам немецких офицеров, за исключением отдельных работ, например исследования, подготовленного генерал-фельдмаршалом Эрихом Манштейном. Напротив, среди воспоминаний советских военачальников некоторые из них скорее представляют военно-исторические исследования аналитического характера, преследующие

целью строгое доказывание определенной военно-исторической концепции. К таким исследованиям следует причислить мемуары маршалов СССР Ивана Баграмяна, Александра Василевского, Георгия Жукова, Ивана Конева, Кирилла Москаленко, Константина Рокоссовского, Василия Чуйкова, а также труд генерала Сергея Штеменко. Однако другая значительная часть мемуаров советского генералитета выполнена в виде сборников патриотических рассказов, авторы которых достаточно вольно обращаются с цифрами и фактами, относящимися к описываемым событиям. Поэтому, учитывая, что мемуары все-таки являются первоисточниками информации, они были использованы не только для сопоставления сведений, чтобы повысить их достоверность и более или менее точно восстановить реальную картину происшедшего, но также для отражения субъективной позиции тех или иных руководителей по интересующим исследователя вопросам.

Новизна данной работы состоит в том, что в ней впервые сделана попытка на основе сопоставления сведений из различных источников, а также и расчетным путем определить потери советской и германской сторон в каждой из крупных операций в ходе Курской битвы – операции вермахта «Цитадель», Орловской и Белгородско-Харьковской наступательных операций Красной армии.

Кроме этого, автором разработан критерий, предназначенный для сравнительной ретроспективной оценки боевого мастерства противоборствовавших сторон при наступательных операциях против заранее подготовленной обороны на протяженном фронте. Соответственно, по данным о материальных и людских потерях и некоторым другим параметрам, которые отражают объективные пространственные (геометрия операции) и временные (сроки решения боевых задач) характеристики проведения указанных выше операций, в работе установлена сравнительная результативность боевых действий советских и германских войск в наступлении и обороне в ходе Курской битвы.

В порядке общих замечаний и уточнений, предваряющих исследование, необходимо отметить следующее. По мнению генерала Гюнтера Блюментрита³, который в 1942–1944 годах был начальником штаба германской группы армий «Д» (*нем.* Heeresgruppe D), опыт штабной работы во время войны показал, что обсуждения, предшествующие принятию решения, не отражаются в оперативных приказах, а люди, подписывающие приказ, часто думают совсем не то, что излагают на бумаге. Поэтому документы не являются надежным руководством для историка, и было бы неправильно считать документы, обнаруженные в архивах, достоверным свидетельством мыслей и убеждений того или иного военачальника.

В связи с этим автор во многом придерживается феноменологического подхода к изучению исторического процесса, при котором большое внимание уделяется анализу так называемых субъективных, личностно-психологических факторов – тех или иных индивидуальных свойств и качеств людей – участников исследуемых событий, оказавших влияние на принятие и реализацию значимых решений.

Как частное замечание, согласно русской народной мудрости, генеральский чин – это не должность и не звание – это счастье. В Союзе Советских Социалистических Республик (впрочем, аналогично Московскому царству, Российской империи, всем их правопреемникам и многим другим государствам) присвоение генеральского звания означало вхождение в узкую элитарную касту со своими особыми кастовыми нормами и правилами поведения, включающими и особую систему отношений между людьми «генеральской породы». Так, советский генерал Николай Попель в своих мемуарах отмечает⁴, что командир 3-го механизированного корпуса 1-й танковой армии генерал-лейтенант Семен Моисеевич Кривошеин при личном общении

---

³ В кн.: *Лиддел-Гарт Б.* Битвы Третьего рейха. Воспоминания высших чинов генералитета нацистской Германии / Пер. с англ. С.В. Лисогорского. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. 367 с. С. 238–239.

⁴ *Попель Н.К.* Танки повернули на запад. М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2001. 480 с. С. 207–209.

просто не замечал начальника разведывательного отдела штаба армии Алексея Михайловича Соболева и не считал нужным пригласить его за свой стол, потому что тот был всего лишь в звании полковника.

Поэтому в данной работе различия в званиях от генерал-майора до генерала армии и рода войск не прослеживаются как несущественная информация, мало значимая для понимания существа событий. Главное отметить, что данное лицо входило в генеральскую касту, то есть было причислено к военачальникам высшего ранга.

Конечно же в некоторых случаях, например при несоответствии в звании и должности взаимно подчиненных друг другу генералов (когда прямой или непосредственный начальник был ниже своего подчиненного по званию), это придавало их взаимодействию и отношениям определенные психологические нюансы. Однако такие нюансы практически невозможно объективно оценить, а тем более определить степень их влияния на принятие решений, что не позволяет формировать обоснованные выводы и предположения.

По этой же причине в работе специально не указываются дворянские титулы, а также приставки к фамилиям германских аристократов, указывающие на их дворянское происхождение или «рыцарское» звание, такие как «фон», «риттер», «фрейхерр», «цу», «цур» и т. п. (*нем.* von, ritter, freiherr, zu, zur). Иностранные имена и фамилии даются как в русском, так и в немецком или латинском написании.

Стороны конфликта в данном исследовании иногда терминологически обозначаются как «немцы» и «русские», хотя фактически это неточно, поскольку и германские и советские вооруженные силы во время Второй мировой войны были многонациональными по составу. Тем не менее в советской и российской историографии и мемуарной литературе общепринято использовать термин «немцы», а в западноевропейских и американских военно-исторических исследованиях широко употребляется обозначение «русские». Поэтому автор счел для себя возможным обогатить лексический ряд за счет указанных именованных.

В работе использованы общедоступные фотографии и портретные изображения участников Курской битвы, сделанные в предвоенное время, в разные годы Второй мировой войны и за послевоенный период, поэтому видимые знаки различия и награды могут не соответствовать званию и наградам в июле – августе 1943 года.

В заключение целесообразно предупредить читателя, что предлагаемая его вниманию работа достаточно плотно нагружена фактами и цифрами (возможно, местами даже излишне), потребовавшимися для комплексного анализа изучаемых исторических событий. Линия изложения часто прерывается отступлениями, необходимыми для более полного и целостного отражения и восприятия происходившего. В целях наиболее адекватного отражения уровня боевого и тактического мастерства сражающихся сторон их действия детализированы настолько, насколько это позволяло наличие источников и требовалось для решения основных задач исследования.

Вместе с тем, несмотря на большой объем используемых сведений, мы не предполагаем, что аналитическое исследование одной только Курской битвы позволяет исчерпывающе судить о характерных особенностях военного противостояния русских и германцев. Поэтому автор рассчитывает продолжить изучение данной проблемы в широкой исторической ретроспективе, в рамках серии исследований, объединенных общей темой «Русские победы над германцами», используя открытые в настоящее время обширные источники информации для решения всех указанных выше задач.

Часть первая РОЖДЕНИЕ КУРСКОЙ БИТВЫ

Глава 1

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИНИИ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОГО ФРОНТА ПОД КУРСКОМ В ЯНВАРЕ-МАРТЕ 1943 ГОДА

Подковообразный выступ Восточного (советско-германского) фронта Второй мировой войны в районе Курска образовался в ходе зимне-весенней кампании 1942–1943 годов в связи с поражением немецких войск под Сталинградом, крупным советским наступлением от Воронежа до Харькова и последующим удачным контр наступлением группы армий «Юг» под командованием фельдмаршала Эриха Манштейна.

В результате тяжелого поражения под Сталинградом в конце 1942 – начале 1943 года немецкий Восточный фронт испытывал сильное давление со стороны советской армии⁵. Пока советский Донской фронт в январе – феврале 1943 года ликвидировал окруженную сталинградскую группировку противника, на других участках советско-германского фронта осуществлялся ряд наступательных операций Красной армии, направленных на развитие захваченной русскими стратегической инициативы. Высшее советское командование планировало развернуть общее наступление по всему фронту, проведя серию наступательных операций, согласованных друг с другом по целям и времени. Соответственно, на южном крыле фронта проводились: Ростовская операция – с 1 января по 18 февраля; Нальчикско-Ставропольская – с 3 января по 4 февраля; ликвидация сталинградской группировки – с 10 января по 2 февраля; Краснодарско-Новороссийская операция – с 11 января (завершилась только в мае). В центре проводились: Острогожско-Россошанская операция – с 13 по 27 января; Воронежско-Касторненская – с 24 января по 2 февраля. На северном крыле осуществлялись: прорыв блокады Ленинграда – с 12 по 18 января; ликвидация Демянского плацдарма германских войск – с 15 по 28 февраля. Как видно, все операции были организованы во второй половине зимней военной кампании 1942–1943 годов, чтобы парализовать германскую армию целым рядом одновременных и последовательных ударов сразу на нескольких основных направлениях.

В ходе Воронежско-Касторненской и Острогожско-Россошанской наступательных операций были частично окружены и уничтожены, частично отброшены на запад 2-я немецкая и 2-я венгерская армии, немецкий 24-й танковый корпус и итальянский Альпийский корпус 8-й итальянской армии, удерживавшие фронт группы армий «Б» в полосе между группами армий «Дон» и «Центр». В результате в обороне групп армий «Б» и «Дон» на курском и харьковском направлениях образовался разрыв протяженностью 350–400 километров от Воронежа до Ворошиловграда, слабо прикрытый войсками. Развивая успех, армии Воронежского и Юго-Западного фронтов перешли к Харьковской и Миллерово-Ворошиловградской наступательным операциям. Армии Воронежского фронта 8 февраля взяли Курск, 9 февраля – Белгород, 16 февраля овладели Харьковом, на левом фланге вышли к Рьльску, Лебедину и Опoшне. На правом фланге Воронежского фронта подключившаяся к операции 13-я армия Брянского фронта 7 февраля выбила немцев из города Фатежа. Соединения подвижной группы войск Юго-Западного фронта 8 февраля перешли реку Северский Донец юго-восточнее Харькова и продолжали наступление к переправам через Днепр, 20 февраля выйдя на подступы к Днепро-

---

⁵ До 1940 г. – Рабоче-крестьянская Красная армия, затем до 1946 г. Красная армия. (Примеч. авт.)

петровску и Запорожью, что создало угрозу окружения группы немецких армий «Юг» (*нем.* Heeresgruppe Sud, образована 13 февраля 1943 года из группы армий «Дон», *нем.* Heeresgruppe Don). Казалось, что в День Красной армии 23 февраля русские будут праздновать новое катастрофическое поражение немцев на Востоке. Однако командующий группой армий «Юг» фельдмаршал Эрих Манштейн (Erich Manstein) подготовил и успешно провел контрудар (ряд концентрических ударов по флангам наступающего противника), позволивший, по немецким данным, в период с 19 февраля по 5 марта разгромить и частично уничтожить восемь корпусов, три бригады и семь стрелковых дивизий Воронежского и Юго-Западного фронтов – почти 35 тысяч советских солдат погибли, более 9 тысяч попали в плен, не считая потери около 700 танков и 650 орудий⁶. 6 марта контрудар перешел в полномасштабное контрнаступление, в результате которого безвозвратные людские потери войск Воронежского и Юго-Западного фронтов в период с 4 по 25 марта 1943 года, в ходе Харьковской оборонительной операции, по данным советской историографии, составили более 45 тысяч человек, общие – более 80 тысяч, а также было утрачено 322 танка, 3185 орудий и минометов⁷. 16 и 18 марта немецкие войска вновь овладели Харьковом и Белгородом и вышли в этом районе приблизительно на ту линию фронта, которую они занимали весной 1942 года⁸. Таким образом, немцы вполне адекватно ответили на разгром под Сталинградом и захватили стратегическую инициативу, поскольку навязали свою волю противнику и создали условия, ограничившие его возможность перехода к активным действиям на стратегическом направлении, театре военных действий и на всем фронте в целом на длительный период⁹. Советскому командованию пришлось реагировать на вражеское контрнаступление, привлекать для его отражения стратегические резервы и временно отложить свои далекоидущие наступательные планы (так, в середине марта 1943 года было прекращено крупномасштабное наступление Брянского, Западного и недавно организованного Центрального фронтов, причем 21-ю армию из состава Центрального фронта пришлось передать Воронежскому фронту для усиления его обороны в районе Обояни¹⁰; в период с 9 марта по 4 апреля на обоянское направление с Ленинградского фронта была переброшена 1-я танковая армия, которая принимала участие во фронтовой операции по снятию блокады Ленинграда¹¹).

Фамилия Манштейн (*нем.* Manstein), принятая урожденным Эрихом Левински после усыновления родственниками (по материнской линии Манштейн принадлежал к семейству Шперлинг, из которого происходила графиня Елена Шперлинг (Helena Sperling), супруга коменданта крепости Нарва генерала Хеннинга Горна (Henning Horn), погибшая при осаде русскими Нарвы летом 1704 года), в дословном переводе с немецкого означает «человек-камень» или «каменный человек». Данное определение как нельзя лучше отражает самосознание и соответствующий стиль поведения этого полководца, черты внешности которого показывают психотимический тип личности. Эмоционально холодный аналитик, немногословный, мыслящий абстрактными категориями, по-видимому, внутренне считавший себя «краеугольным камнем», на котором зиждется германская армия, очень властный и амбициозный, добивавшийся назначения на пост главнокомандующего Восточным фронтом¹², Манштейн ста-

---

⁶ *Манштейн Э.* Утерянные победы / Сост. С. Переслегин, Р. Исмаилов. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 1999. 896 с. С. 490, 491.

⁷ *Россия и СССР в войнах XX века.* С. 284, 485.

⁸ В связи с неудачными действиями войск Воронежского фронта в марте 1943 г. его командующим вместо генерала Филиппа Голикова (откомандирован в распоряжение Ставки Верховного главнокомандования, впоследствии переведен на кадровую работу) был назначен генерал Николай Ватутин. (*Примеч. авт.*)

⁹ *Военный энциклопедический словарь* / Пред. гл. ред. комиссии Н.В. Огарков. М.: Воениздат, 1983. 863 с. С. 710.

¹⁰ *Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. М.: Воениздат, 1968. 384 с. С. 194–201.

¹¹ *Бабаджанян А.Х., Попель Н.К., Шалин М.А., Кравченко И.М.* Люки открыли в Берлине. Боевой путь 1-й гвардейской танковой армии. М.: Воениздат, 1973. 358 с. С. 11–12.

¹² *Митчем С.* Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. Смоленск: Русич, 1998. 576 с. С. 346, 347.

рался казаться близким к солдатам, но многие общавшиеся с ним фронтовики понимали, что являются лишь материалом для осуществления его честолюбивых стратегических и оперативно-тактических планов¹³. Это хорошо показано в работе В. Нинова¹⁴, посвященной Корсунь-Шевченковской битве, где Манштейн отказался от оказания дальнейшей помощи окруженной группировке германских войск, когда анализ показал бесперспективность дальнейших усилий, хотя сами окруженные продолжали предпринимать попытки прорваться из котла.

Принадлежность к роду потомственных военных, а также родство с евреями, даже не скрывавшееся Манштейном (по отцовской линии семейства Левински, нем. Lewinsky¹⁵), позволяют предположить определенную генетическую predisposition – комбинаторный стиль мышления в сочетании с интуицией в военной сфере (Манштейн неоднократно предугадывал действия своих противников), обусловившую его успехи как военачальника. Во всяком случае, одних только аналитических качеств было бы недостаточно, чтобы выдвинуться из числа многочисленных офицеров, подготовленных германским Генеральным штабом¹⁶.

В своих мемуарах Манштейн часто критически отзывается о попытках главнокомандующего (нем. *Fieldherr*) вооруженными силами Германии Адольфа Гитлера (Adolf Hitler) управлять ходом военных действий и указывает, что жестко отстаивал перед фюрером свою точку зрения по всем вопросам, касающимся командования подчиненными ему войсками. Вместе с тем известны и другие свидетельства. Генерал Гейнц (Хайнц) Гудериан (Heinz Guderian) отметил, что при Гитлере Манштейну часто «не везло», он бывал «не на высоте»¹⁷. Капитан Винрих Бер (Winrich Behr) офицер Генерального штаба сухопутных войск Германии, вспоминает высказывания своего друга, полковника Бернхарда Кламрота (Bernhard Klamroth, участник заговора против Гитлера в июле 1944 года, казнен. – П.Б.), который советовал ему быть осторожней с Манштейном, поскольку тот противоречит Гитлеру только на словах, а на деле выполнит любые его приказания¹⁸. С точки зрения некоторых историков¹⁹, Манштейн резко критиковал немецкую военную стратегию только в частных беседах (дома он позволил себе демонстративно выучить свою собаку-таксу имитировать национал-социалистское приветствие. – П.Б.), но в реальности он настолько благоговел перед личностью Адольфа Гитлера, что очень робел и даже заикался в его присутствии. Как бы то ни было, весной 1944 года, решив отстранить Манштейна от командования группой армий «Юг», Гитлер наградил его и расстался с фельдмаршалом вполне дружески, а в октябре того же года, при содействии генерала Гейнца Гудериана, Манштейну было дано разрешение на приобретение в собственность поместья²⁰.

С точки зрения актуального психологического состояния фельдмаршала накануне Курской битвы интересным представляется сообщение по поводу появления у него признаков катаракты, причем еще не объяснявшейся возрастом, процесс развития которой немецкие

¹³ Бивор Э. Сталинград. Смоленск: Русич, 1999. 448 с. С. 380.

¹⁴ В кн.: Нинов В. Корсунь-Шевченковская битва. Приложение I // Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны: Освобождение Европы [сб.] / С.М. Штеменко. М.: АСТ, АСТ Москва, Транзиткнига, 2005. 638, [2] с. С. 421–480.

¹⁵ Кэмп Э. Высшие немецкие командиры во Второй мировой войне / Э. Кэмп; Пер. с англ. Г.Г. Вершубской; Худож. А. Мак-Брайд. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2003. 61 [3] с. С. 15.

¹⁶ Здесь и далее термином «германский Генеральный штаб» обозначается не столько совокупность высших военно-административных органов, исполняющих основные функции управления вооруженными силами, но прежде всего Институт немецкого военного мышления (см.: Гёрлиц В. Германский Генеральный штаб. История и структура. 1657–1945 / Пер. с англ. С.В. Лисогорского. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. 487 с.). (Примеч. авт.)

¹⁷ Гудериан Г. Воспоминания солдата / Пер. с нем. Ростов н/Д.: Издательство «Феникс», 1998. 544 с. С. 326; Барнетт К. и др. Военная элита рейха. Смоленск: Русич, 1999. 528 с. С. 320.

¹⁸ Бивор Э. Сталинград. Смоленск: Русич, 1999. 448 с. С. 357.

¹⁹ Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны / Д. Гланц, Дж. Хауз; Пер. с англ. Н.П. Григорьева. М.: Астрель: АСТ, 2007. 508, [4] с. С. 13.

²⁰ Манштейн Э. фон. Солдат XX века / Эрих фон Манштейн; пер. с нем. Е.В. Пономаревой. М.: АСТ; АСТ МОСКВА; Транзиткнига, 2006. 654, [2] с.; Митчем С. Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. Смоленск: Русич, 1998. 576 с. С. 350.

врачи пытались предотвратить в апреле 1943 года, удалив Манштейну гланды (операция по удалению катаракты правого глаза была сделана ему через год, сразу после отстранения от командования)²¹. Некоторые авторы, которые посвятили свои исследования теоретическим предпосылкам и философии болезни, считают, что симптомы конкретного заболевания представляют собой форму физического выражения психических конфликтов и, следовательно, способны высветить личностные проблемы пациента²². Согласно этому взгляду, наиболее распространенные симптомы болезней нужно научиться понимать и интерпретировать как формы выражения тех или иных психических проблем. Соответственно, катаракта, которая приводит к потере остроты зрения, выражает стремление больного дистанцироваться от окружающего мира, скрыть его за мутной пеленой, чтобы как можно меньше видеть, поскольку будущее кажется опасным и безрадостным²³.

По-видимому, весной 1943 года Манштейн находился в состоянии глубокой депрессии, отразившейся даже на его физическом здоровье и вызванной сильным стрессом, связанным с тем нервным напряжением, которое фельдмаршал испытывал с декабря 1942 года. Склонность Манштейна к депрессии подтверждают и некоторые личные свидетельства, согласно которым он предпочитал видеть в своем деловом окружении оптимистично настроенных людей – например, такими были начальник штаба группы армий «Юг» генерал Теодор Буссе и начальник штаба 6-й армии генерал Вальтер Венк (Walter Wenck)²⁴. Это было тем более важно, что, по свидетельству Р. Пагета (Reginald Paget) – английского адвоката Эриха Манштейна, фельдмаршал ненавидел бумажную работу и редко читал документы, которые ему доставлялись, предпочитая ориентироваться в их содержании по устным докладам компетентных офицеров²⁵.

На протяжении четырех месяцев Манштейн нес ответственность за удержание фронта группы армий «Дон», пытался организовать деблокирование окруженной сталинградской группировки, фактически обеспечивал вывод большей части войск группы армий «А» с Кавказа, осуществил подготовку и проведение успешного контрудара против Красной армии. При этом дополнительные нервные силы отнимала необходимость постоянно удерживать маску «каменного человека». С учетом возраста – в ноябре 1942 года Манштейну исполнилось 55 лет – ему требовался длительный период восстановления, которого, однако, фельдмаршал не получил, будучи вынужден немедленно принять участие в подготовке операции «Цитадель».

Некоторые заинтересованные лица, например старший переводчик министерства иностранных дел Германии (в ранге посланника) Пауль Шмидт (Paul-Karl Schmidt), работавший с Адольфом Гитлером и Йоахимом Риббентропом, а после войны ставший историком и журналистом, пишущим под псевдонимом Пауль Карель (Карелл, Paul Karell), считают, что «контрудар Манштейна» в феврале – марте 1943 года мог в случае его развития привести к перелому в ходе всей войны²⁶. Однако более трезвая оценка показывает, что немцы не имели ни сил, ни времени до весенней распутицы даже выйти к Курску. По некоторым данным²⁷, общие безвоз-

²¹ Манштейн Э. Утерянные победы. С. 520–521; Манштейн Э. фон. Солдат XX века. С. 654.

²² Например, см.: Дальке Р., Детлефсен Т. Болезнь как путь. Значение и предназначение болезней. СПб.: ИД «ВЕСЬ», 2003. 320 с.; Подпорин А.Н. Истинные причины наших болезней. СПб.: Издательская компания «Невский проспект», 2003. 192 с.; Жикаренцев В.В. Путь к свободе: Кармические причины возникновения проблем, или Как изменить свою жизнь. СПб.: ООО «Диамант», 2001. 224 с.

²³ Дальке Р., Детлефсен Т. Болезнь как путь. Значение и предназначение болезней. СПб.: ИД «ВЕСЬ», 2003. 320 с. С. 173; Жикаренцев В.В. Путь к свободе: Кармические причины возникновения проблем, или Как изменить свою жизнь. СПб.: ООО «Диамант», 2001. 224 с. С. 178.

²⁴ В кн.: Манштейн Э. Утерянные победы. С. 567; Ньютон С.Х. Курская битва: немецкий взгляд. М.: Яуза, Эксмо, 2006. 576 с. С. 17.

²⁵ В кн.: Ньютон С.Х. Указ. соч. С. 17.

²⁶ Карель П. Восточный фронт. Кн. 2-я. Выжженная земля. 1943–1944. М.: Изографус, Эксмо, 2003. 432 с. С. 153–154.

²⁷ Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. М.: Изографус, Эксмо, 2002. 800 с. С. 717, 728–729.

вратные потери германской армии на всех фронтах за февраль – март 1943 года превысили 100 тысяч человек и 2800 танков и самоходных артиллерийских установок (далее – САУ)²⁸, из которых значительная часть приходится на Восточный фронт (по интегральной оценке «75 % потерь»²⁹; хотя с 14 февраля 1943 года проходили сильные бои в Северной Африке, однако количество танков в немецких частях в Ливии на 10 февраля составляло 408 машин, а в Тунисе в это же время находились одна танковая дивизия и несколько отдельных танковых батальонов, следовательно, в общей сложности на данном театре военных действий было не более 600–700 машин³⁰), а здесь – на потери войск группы армий «Юг», понесенные в ходе контрударов и последующего контрнаступления.

Соединения, задействованные в этих операциях, оказались серьезно ослаблены и нуждались в пополнении. Так, потери трех дивизий 1-го танкового корпуса СС, переброшенного на Восточный фронт из Франции в январе – феврале 1943 года (*нем.* I SS-Panzerkorps, с апреля 1943 года – 2-й танковый корпус СС), за неполные два месяца составили 11,5 тысячи солдат и офицеров убитыми и ранеными³¹. По данным разведывательного отдела штаба Воронежского фронта, дивизии этого корпуса «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» (*нем.* I SS-Panzer-Division Leibstandarte Schutzstaffel Adolf Hitler) и «Рейх» (*нем.* 2 SS-Panzer-Division Das Reich) в январе – марте потеряли до 30 % личного состава, а дивизия «Мертвая голова» (*нем.* 3 SS-Panzer-Division Totenkopf) в феврале – марте (основные силы дивизии приняли участие в боевых действиях с 22 февраля) – до 35 % личного состава и материальной части³². После мартовских боев за Харьков в частях дивизии «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» осталось всего 14 боеготовых танков, а убыль личного состава превысила 4,5 тысячи человек³³.

С другой стороны, при попытке наступления на Обоянь немецкие 48-й танковый корпус, 1-й танковый корпус СС и моторизованная дивизия «Великая Германия» (*нем.* Gross Deutschland) столкнулись на линии белгородских высот с перебрасываемыми сюда частями и соединениями вновь укомплектованных и оснащенных советских 64, 21 и 1-й танковой армий³⁴, а также выделенным для их усиления 3-м гвардейским танковым корпусом (из состава 5-й гвардейской танковой армии)³⁵. К тому времени 69-я армия Воронежского фронта, оставив Белгород, закрепились на левом берегу Северского Донца, а 40-я армия отходила на север западнее Белгорода, в общем направлении на Готню, так что на белгородско-курском направлении образовался значительный разрыв в линии фронта. Однако русские упредили немцев, оперативно перебросив резервы на угрожаемое направление. В период с 18 по 21 марта соединения 21-й армии, усиленной 3-м гвардейским Котельниковским танковым корпусом, выдвинулись южнее Обояни и перешли к обороне на рубеже Дмитриевка, Приречное, Березов, Шопино, блокировав магистральное шоссе на Курск (3-й гвардейский танковый корпус уже 14 марта развернулся на рубеже Томаровка, Калинин, Ближняя)³⁶; 1-я танковая армия 18 марта проходила через Курск, а 23 марта основными силами совершила 40-километровый марш в район Обояни после выгрузки в 25 километрах южнее Курска; 64-я армия развернулась на

²⁸ Здесь и далее, если иное не следует по тексту, к САУ отнесены все штурмовые орудия, истребители танков, противотанковые и другие бронированные самоходные установки, оснащенные артиллерийским вооружением. (*Примеч. авт.*)

²⁹ *Россия и СССР в войнах XX века.* С. 488.

³⁰ *Мюллер-Гиллебранд Б.* Указ. соч. С. 361–362.

³¹ *Хауссер П.* Войска СС в бою. М.: Издатель Быстров, 2006. 320 с. С. 109.

³² В кн.: *Замулин В.Н.* Прохоровка – неизвестное сражение великой войны / В. Замулин. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. 734, [2] с. С. 23–31; *Хауссер П.* Войска СС в бою. М.: Издатель Быстров, 2006. 320 с. С. 101.

³³ В кн.: *Ньютон С.Х.* Указ. соч. С. 492; *Кросс Р.* Операция «Цитадель» / Пер. с англ. А. Марченко. Смоленск: Русич, 2006. 352 с. С. 26.

³⁴ В апреле 1943 г. 21-я и 64-я общевойсковые армии были преобразованы в 6-ю и 7-ю гвардейские армии соответственно, которые вместе с 1-й танковой армией вошли в состав Воронежского фронта. (*Примеч. авт.*)

³⁵ В кн.: *Маништейн Э.* Утерянные победы. С. 539; *Замулин В.Н.* Указ. соч. С. 68, 688.

³⁶ *Вовченко И.А.* Танкисты. М.: ДОСААФ, 1976. 254 с. С. 158.

восточном берегу реки Северский Донец в районе Белгорода к 23 марта, укрепив оборону уже находившейся здесь 69-й армии³⁷. Бои на обоянском направлении начались 20 марта и продолжались до 27-го числа, без успеха для германских войск, после чего линия фронта на северном фланге группы армий «Юг» стабилизировалась на рубеже Гапоново, Трефиловка, Белгород, Волчанск, где заняли позиции 4-я танковая армия и вновь сформированная оперативная группа «Кемпф» (*нем.* *Armee-Abteilung Kempf*)³⁸ в составе 11, 42 и 52-го армейских корпусов, 3-го и 48-го танковых корпусов, а также 2-го танкового корпуса СС. С советской стороны на данном участке были развернуты в первом эшелоне – 21, 38, 40 и 64-я армии Воронежского фронта, а во втором эшелоне – 1-я танковая и 69-я армии. Так образовался южный фас Курского выступа.

В это же время группа армий «Центр» (*нем.* *Heeresgruppe Mitte*) не могла оказать никакого содействия группе «Юг» ударом с севера или запада, потому что отражала наступление советских войск и не располагала дополнительными силами или резервами. По результатам наступательных действий советских войск в январе 1943 года, с учетом неизбежной скорой капитуляции сталинградской группировки противника, в конце января советское Верховное главнокомандование и Генеральный штаб Красной армии разработали план ряда взаимосвязанных операций на центральном и северо-западном направлениях. В этих операциях должны были принять участие пять фронтов: Северо-Западный, Калининский, Западный, Брянский, а также вновь создаваемый Центральный. Замысел Ставки Верховного главнокомандования состоял в том, чтобы силами Брянского и левого крыла Западного фронтов разгромить 2-ю немецкую танковую армию в районе Орла; с прибытием войск Центрального фронта развить наступление через Брянск на Смоленск и выйти в тыл ржевско-вяземской группировки противника; во взаимодействии с Калининским и Западным фронтами уничтожить основные силы группы армий «Центр»; войсками Северо-Западного фронта окружить и уничтожить группировку противника в районе Демянска и обеспечить выход подвижной группы фронта в тыл противника, действующего против Ленинградского и Волховского фронтов³⁹. Германское командование упредило реализацию этого плана, поскольку одновременно, в конце января, Гитлер принял решение об отводе войск с Ржевско-Вяземского и Демянского плацдармов⁴⁰. Однако, когда сталинградская группировка германских войск капитулировала 2 февраля 1943 года, командование группы армий «Центр» еще только планировало отвести с Ржевско-Вяземского плацдарма соединения 9-й и 4-й армий, которые могли быть использованы для образования резервов, укрепления обороны и контрударов по наступающему противнику. В частности, вывод дивизий 9-й армии с фронта был начат в марте, а их передислокация от Смоленска в район Брянска заняла более 18 дней, полностью завершившись только в начале апреля⁴¹. В то же время советское командование немедленно использовало возможность перебросить на центральное направление войска Донского фронта. Директивой Ставки 5 февраля 1943 года был образован Центральный фронт в составе 21, 65, 70, 2-й танковой и 16-й воздушной армий

³⁷ Василевский А.М. Дело всей жизни. 5-е изд. М.: Воениздат, 1984. 496 с. С. 266.

³⁸ В германской армии в период Второй мировой войны создавались армейские (*нем.* *Armee-Gruppe*) и оперативные (*нем.* *Armee-Abteilung*) временные формирования или группы, которые различались по уровню командования группы, ее подчиненности, масштабу стоящих задач, структуре и количеству объединяемых сил и средств. (*Примеч. авт.*)

³⁹ В кн.: *История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.* Т. 3. Коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны (ноябрь 1942 г. – декабрь 1943 г.). М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1961. 664 с. С. 142–143.

⁴⁰ В кн.: Хаунт В. Группа армий «Север». Бои за Ленинград. 1941–1944 / Пер. с англ. Е.Н. Захарова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. 382 с. С. 178; Хаунт В. Сражения группы армий «Центр». Взгляд офицера вермахта. М.: Яуза, Эксмо, 2006. 352 с. С. 215.

⁴¹ В кн.: Ньютон С.Х. Указ. соч. С. 263; Хаунт В. Указ. соч. С. 222–223.

(2-я танковая и 70-я армии из резерва Ставки⁴²), командующим которого назначили генерала Константина Рокоссовского, а полевое управление Донского фронта переименовали в полевое управление Центрального фронта⁴³. В ночь на 6 февраля Ставка поставила ему задачу к 12 февраля перебазироваться в район Долгое, Елец, Ливны, развернуть свои войска между Брянским и Воронежским фронтами на рубеже Курск – Фатеж и с 15-го числа наступать в направлении Севск, Брянск, а затем Рославль, Смоленск⁴⁴. По плану операции, подготовленному Оперативным управлением Генерального штаба, оборону группы армий «Центр» должны были прорвать Западный и Брянский фронты, а войскам Центрального фронта следовало использовать их успехи, чтобы захватить Рославль, Смоленск и частью сил Оршу, создав для противника обстановку, близкую к окружению⁴⁵. Для усиления Центрального фронта и создания им подвижных ударных группировок в его подчинение были переданы из резерва 2-я танковая армия и 2-й гвардейский кавалерийский корпус, два отдельных танковых полка и три лыжно-стрелковых бригады⁴⁶.

Войска Брянского фронта, перешедшие в наступление 12 февраля 1943 года, оказались связанными тяжелыми боями на заранее подготовленной позиционной обороне противника и значительных успехов не достигли. Максимальное продвижение в полосе 13-й и 48-й армий Брянского фронта, которые наступали против правого фланга 2-й танковой армии противника, стремясь обойти Орел с юга и юго-востока, составило до 30 километров. 61-я и 3-я армии, наступавшие на Орел с севера (через Болхов) и востока, продвинулись еще меньше. К 24 февраля наступление Брянского фронта оказалось окончательно остановлено на рубеже Новосиль – Малоархангельск – Рождественское. На Западном фронте 16-я армия, усиленная 9-м танковым корпусом, при поддержке одной стрелковой дивизии 10-й армии 22 февраля перешла в наступление через Жиздру на Брянск, навстречу войскам 13-й армии Брянского фронта, однако была остановлена после прорыва первой оборонительной полосы на левом фланге 2-й немецкой танковой армии, продвинувшись на 13 километров (по мнению маршала СССР Ивана Баграмяна, который тогда командовал 16-й армией, причиной неудачи Жиздринской операции стало отсутствие тактической внезапности, а также то, что командующий Западным фронтом генерал Конев дважды запретил ему ввести в прорыв 9-й танковый корпус)⁴⁷. Теперь результат сражения для каждой из сторон стал определяться скоростью сосредоточения резервов на главных направлениях, причем советской стороне препятствовало значительное расстояние (от Сталинграда до Курска), а германская сторона должна была осуществить сложный маневр, выведя войска Ржевско-Вяземского плацдарма под давлением противника. Немцы смогли в сложных условиях отвести войска и успели произвести перегруппировки быстрее, что следует расценивать как крупную неудачу командования Калининского и Западного фронтов (командующие – генералы Максим Пуркаев и Иван Конев, были в марте 1943 года освобождены от командования, после чего Пуркаев в апреле назначен командующим Дальневосточным фронтом, а Конев вначале переведен на второстепенное направление – командующим Северо-Западным фронтом вместо маршала Семена Тимошенко (со слов маршала Георгия Жукова – по его предложению)⁴⁸, а в июне получил должность командующего Степным военным окру-

⁴² В соответствии с принятой терминологией понятие «Ставка» используется в данной работе как для обозначения функций управления, осуществляемого командованием высшего уровня, так и для указания на местоположение Верховного главнокомандования. (Примеч. авт.)

⁴³ В кн.: Василевский А.М. Указ. соч. С. 256–257.

⁴⁴ Там же. С. 257–258.

⁴⁵ Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны: От Сталинграда до Берлина / С.М. Штеменко. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. 746, [6] с. С. 157.

⁴⁶ В кн.: Василевский А.М. Указ. соч. С. 257.

⁴⁷ Баграмян И.Х. Так шли мы к победе. М.: Воениздат, 1977. 608 с. С. 166, 171–172.

⁴⁸ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М.: Агентство печати «Новости», 1971. 704 с. С. 429.

гом). В связи со значительными трудностями транспортного характера, возникшими в ходе переброски войск из-под Сталинграда (Константин Рокоссовский отмечает⁴⁹, что в распоряжении фронта находилась единственная одноколейная железная дорога, а подававшиеся составы не были приспособлены для перевозки людей и лошадей, зато меры к ускорению переброски войск принимали сотрудники органов государственной безопасности, из-за чего график движения вообще был полностью нарушен, части и соединения перемешаны между собой и выгружены в местах не по назначению), начало наступления Центрального фронта было отложено с 15 на 24 февраля. Благодаря этому германское командование своевременно ввело в сражение в полосе Центрального фронта ряд прибывших в район Брянска дивизий 4-й армии, приказ об отводе которой был отдан 17 февраля, а затем и 9-й армии, начавшей отход с 1 марта⁵⁰.

По завершении сосредоточения основной части войск Центрального фронта 26 февраля они начали наступление на брянском направлении силами 65-й и 2-й танковой армий, а также конно-стрелковой группы (21-я и 70-я армии все еще находились на марше к району сосредоточения восточнее города Ливны). Противник оказал упорное и организованное сопротивление, опережая советские войска в перегруппировке и развертывании сил на угрожаемых направлениях. Большой отрыв тыловых частей и баз от районов сосредоточения затруднял обеспечение армий Центрального фронта основными предметами снабжения, практически полное отсутствие дорожных и транспортных подразделений ограничило возможность маневра силами и средствами. В итоге 65-я общевойсковая и 2-я танковая армии добились ограниченного успеха, к 6 марта оттеснив противника на 30–60 километров до Комаричей, Лютежа и Середины-Буды. Ввод в бой 70-й армии, развернутой к 7 марта на стыке Центрального и Брянского фронтов на участке Хальзеево, Трофимовка, Ферезево, Брянцево, не изменил положения, так как армия перешла в наступление прямо с марша, неукомплектованная техническими средствами, без необходимого артиллерийского обеспечения своих действий, командный состав не имел боевого опыта – управление боем и связь оказались не организованы, стрелковые соединения атаковали с ходу, по частям, взаимодействие внутри боевых порядков пехотных частей отсутствовало, автодорожная служба работала слабо – подвоз предметов снабжения и эвакуация раненых почти отсутствовали (уже 18 марта армия была вынуждена перейти к обороне, поэтому по результатам операции штаб 70-й армии был усилен опытными офицерами, а командующий генерал Герман Тарасов снят с должности)⁵¹. Участие в наступлении 21-й армии не состоялось, поскольку по приказу Ставки она была передана Воронежскому фронту для усиления обоянского направления. На это же направление были перенацелены значительные силы авиации.

Однако конно-стрелковая группа под командованием генерала Владимира Крюкова, сформированная на базе 2-го гвардейского кавалерийского корпуса (3-я и 4-я гвардейские кавалерийские дивизии и корпусные части), усиленного 28-й и 30-й лыжно-стрелковыми бригадами и отдельным танковым полком, успешно наступала на левом фланге фронта в направлении Стародуб, Новозыбков, Могилев, 2 марта овладела городом Севском, а затем передовыми отрядами вышла к реке Десне севернее города Новгород-Северский, прорвавшись на запад на 100–120 километров⁵². В результате этого прорыва (так называемый «Севский рейд») возникла реальная угроза для коммуникаций группы армий «Центр», но развить или закрепить успех оказалось невозможно в связи с отсутствием подвижных резервов. Несмотря на приказы Рокоссовского, генерал Крюков не принял своевременных мер для закрепления и обороны достигнутых рубежей, когда его группа была контратакована противником с флангов. К 12 марта фронт конно-стрелковой группы растянулся по дуге протяжением 150 километ-

---

⁴⁹ Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М.: Воениздат, 1968. 384 с. С. 194–195.

⁵⁰ В кн.: Хаунт В. Сражения группы армий «Центр». С. 215, 221.

⁵¹ Рокоссовский К.К. Указ. соч. С. 199–200.

⁵² Вережкин С. Вторая мировая война: вырванные страницы. М.: Яуза, 2006. 416 с. С. 210; Рокоссовский К.К. Указ. соч. С. 197; Штеменко С.М. Указ. соч. С. 158.

ров, танки были без горючего, кавалеристы не имели фуража, тогда как противник нанес удар с севера и юга по флангам силами шести танковых и пехотных дивизий, рассчитывая полностью отрезать кавалерийский корпус⁵³. Группа Крюкова стала отходить на восток, к Севску. По советским данным⁵⁴, всего против конно-стрелковой группы было направлено девять немецких дивизий, которые к 20 марта отбросили прорвавшиеся советские соединения и окружили их передовые части западнее Севска. С фронта коннострелковую группу удерживали части 137-й пехотной дивизии, 102-я и 108-я пехотные дивизии 8-го венгерского армейского корпуса и воинские формирования «Особого Локотского округа» – так называемая «Бригада Каминского», а с флангов атаковали кавалерийская дивизия СС (впоследствии 8-я кавалерийская дивизия СС «Флориан Гейер», нем. 8 SS-Kavallerie-Division Florian Geyer), 72-я пехотная и 9-я танковая дивизии 9-й армии (с севера); 4-я танковая, 340-я и 327-я пехотные дивизии (с юга).

Для того чтобы отразить контрудар германских войск, командование Центрального фронта было вынуждено остановить наступление и развернуть 65-ю армию на широком фронте по восточному берегу реки Сев. Понесла большие потери, части конно-стрелковой группы вели бои за Севск до 27 марта, когда они были окончательно выбиты из города, но сумели отступить и вырвались из окружения через долину реки Сев благодаря помощи со стороны вновь прибывшей 7-й Дальневосточной кавалерийской дивизии, войск 65-й и 2-й танковой армий (11-я отдельная гвардейская танковая бригада). Потери конно-стрелковой группы в ходе «Севского рейда» составили до 15 тысяч солдат и офицеров, поэтому 2-й гвардейский кавалерийский корпус пришлось вывести в тыл на переформирование, а для выяснения причин неудачного проведения операции работала комиссия военного совета Центрального фронта, но командующий фронтом генерал Рокоссовский постановил генерала Крюкова и других офицеров корпуса суду не предавать⁵⁵. 21 марта 48, 65, 70-я и 2-я танковая армии Центрального фронта перешли к обороне по линии Мценск, Новосиль, Севск, Рыльск, образовав северный фас Курского выступа, причем в состав фронта были дополнительно включены 13-я и 60-я армии Брянского и Воронежского фронтов, переданные вместе с занимаемыми ими участками. Против Центрального фронта развернулись войска группы армий «Центр» в составе 7-го и 13-го армейских корпусов 2-й армии, 20-го и 23-го армейских и 46-го танкового корпусов 9-й армии, а также части сил 35-го армейского корпуса 2-й танковой армии.

Таким образом, после завершения весенних операций 1943 года Восточный фронт под Курском стабилизировался на линии Чернышино, Мценск, Малоархангельск, южнее Дмитровска-Орловского, восточнее Севска, Рыльска, Сум, севернее Томаровки и Белгорода и далее на юг по берегам реки Северский Донец⁵⁶. Участок вклинения советских войск на стыке групп армий «Центр» и «Юг», названный германским командованием «Курским балконом», так и остался проблемной зоной, которая вдавалась в расположение немцев на 150 километров (увеличив общую протяженность позиций почти на 500 километров) и прерывала рокадные коммуникации между указанными группами армий, нарушая связность фронта и создавая угрозу глубоких ударов по их флангам и тылу⁵⁷. Поэтому Курский выступ, превращенный в мощный плацдарм, глубоко врезавшийся в оборону противника, имел исключительно важное стратегическое значение для Красной армии. Сосредоточенные здесь крупные группировки советских войск не только сковывали орловскую и белгородско-харьковскую группировки неприятеля, но и представляли для них постоянную и вполне реальную опасность. Войска Центрального

⁵³ Батов П.И. В походах и боях / П.И. Батов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Воениздат, 1974. 527, [1] с. С. 287–289.

⁵⁴ Рокоссовский К.К. Указ. соч. С. 199; Штеменко С.М. Указ. соч. С. 158.

⁵⁵ Батов П.И. Указ. соч. С. 290.

⁵⁶ В кн.: *Битва под Курском*. Краткий очерк. Из опыта боев Отечественной войны. Военно-исторический отдел Генерального штаба Красной армии. М.: Военное издательство Народного комиссариата обороны, 1945 // Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны: От Сталинграда до Берлина / С.М. Штеменко. М.: АСТ; Транзиткнига, 2005. 746, [6] с. С. 517.

⁵⁷ Манштейн Э. Указ. соч. С. 516–517.

фронта, занимавшие северную часть Курского выступа, располагали возможностями нанести концентрические удар по тылу и флангам орловской группировки немцев, действуя совместно с войсками Брянского фронта и левого крыла Западного фронта. Аналогичная возможность создавалась и для войск Воронежского фронта, которые могли нанести удар с севера и востока по флангам и тылу белгородско-харьковской группировки противника. Соответственно, удержание Курского выступа обеспечивало советской стороне выгодные условия для развертывания наступления с целью разгрома важнейших вражеских группировок и развития операций на территории Украины и Белоруссии.

С другой стороны, поражение под Сталинградом, связанный с этим этап вынужденной обороны и последующее овладение стратегической инициативой в марте 1943 года вновь поставили перед немецким командованием вопрос о целях, задачах, способах и средствах продолжения войны против Союза Советских Социалистических Республик (далее – СССР).

Глава 2

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПЛАНЫ ГЕРМАНСКОГО КОМАНДОВАНИЯ ПО ДАЛЬНЕЙШЕМУ ВЕДЕНИЮ ВОЙНЫ НА ВОСТОКЕ

Позднейшие воспоминания по этому поводу немецких военных и военачальников показывают противоречивую картину, где почти каждый пытается указать в качестве ответственного за неудачи главнокомандующего вооруженными силами Германии Адольфа Гитлера, а также изложить собственные мнения, точки зрения и планы, согласовав их или, наоборот, противопоставив планам, взглядам и мнениям других лиц, принимавших то или иное участие в выработке важнейших военно-политических решений.

2.1. Потенциал противоборствующих сторон

По поводу сил и средств борьбы с русскими П. Карель сообщает следующие сведения⁵⁸. В мае 1943 года общая численность немецкой армии увеличилась по сравнению с аналогичным периодом прошлого года (далее – АППГ) на 2 миллиона солдат и достигла наибольшей величины за все прошедшее время войны – 11 280 тысяч военнослужащих и лиц вольнонаемного состава⁵⁹. Вместо мобилизованных немецких рабочих, в соответствии с секретной директивой Адольфа Гитлера и инструкциями по захвату военнопленных, рабочей силы и трофеев, требовалось отправить в Германию всех военнопленных и трудоспособных гражданских лиц с оккупированных территорий (следовательно, в немецкой военной промышленности стал еще шире практиковаться принудительный и опасный вредительство «рабский» труд. – П.Б.). В 1943 году число иностранных рабочих в Германии достигло 4636 тысяч человек, а военнопленных, занятых в хозяйстве, – 1623 тысячи человек⁶⁰. Благодаря этому общее число гражданских работников в данный период времени составило 36,6 миллиона человек, увеличившись по сравнению с АППГ на 1,1 миллиона. В начале 1943 года немецкая военная промышленность производила ежемесячно по 700 танков (АППГ – 350) и 200 штурмовых орудий (АППГ – 50). Производство боевых самолетов по сравнению с предшествующим годом увеличилось в 1,7 раза⁶¹. В промышленном производстве появились новые и модифицированные типы почти всех видов оружия, включая тяжелые и средние танки, самолеты – истребители, пикировщики и штурмовики, самоходные и несамоходные артиллерийские и зенитные орудия. Сокращение штатной численности пехотных дивизий компенсировалось увеличением их огневой мощи за счет более высокого насыщения автоматическим оружием, минометами, противотанковой и зенитной артиллерией.

Вместе с тем, по данным советских военных историков Г. Колтунова и Б. Соловьева⁶², к июлю 1943 года на советско-германском фронте насчитывалось 60 пехотных дивизий, укомплектованных по сокращенному штату, однако, если по основному штату в дивизии имелось 9367 винтовок, 49 противотанковых орудий, 54 миномета калибра 81 мм, то по сокращенному штату числилось всего 6 тысяч винтовок, 15 противотанковых орудий калибра 75 и 88 мм, 48 минометов калибра 81 мм. Кроме того, у германского командования не было возможности в

---

⁵⁸ Карель П. Указ. соч. С. 222–224.

⁵⁹ В кн.: Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. С. 702.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Советский Союз в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. М.: Наука, 1978. 728 с. С. 339.

⁶² Колтунов Г.А., Соловьев Курская битва. М.: Воениздат, 1970. 400 с. С. 23, 24.

течение нескольких месяцев всесторонне подготовить в боевом отношении сотни тысяч вновь призванных в армию солдат и офицеров и вооружить их практическим опытом войны.

Следовательно, в 1943 году уже начало происходить то же самое, что и во время Семилетней и Первой мировой войн, – в связи с большими потерями германская армия стала утрачивать свой важнейший потенциал, заключающийся в профессионализме солдат и офицеров, за счет которого немцы вначале имели качественное превосходство над противником.

Соответственно, в отличие от переводчика и журналиста Кареля, офицер Генерального штаба, командир танковых войск и участник войны генерал Буркхарт Мюллер-Гиллебранд (Burkhardt Müller-Hillebrand) с гораздо меньшим оптимизмом отмечает⁶³, что за первую половину 1943 года убыль личного состава в действующей армии на Восточном фронте составила около 823 тысяч человек, а пополнение – 720 тысяч. Комплектованию армии мало помогло то, что 13 января 1943 года Гитлер издал указ «О всеобщем привлечении мужчин и женщин к обороне империи» с целью высвобождения для использования на фронте всех пригодных к военной службе мужчин. Поэтому в начале 1943 года были проведены организационные мероприятия, направленные на уменьшение некомплекта в частях за счет имеющихся резервов личного состава, – разработаны новые «экономные» организационно-штатные нормы, по которым часть должностей сокращалась, а 140 тысяч должностей замещались добровольцами вспомогательной службы (в основном из числа советских военнопленных. – П.Б.). Благодаря этому были уменьшены как потребности сухопутных войск в наборе мужчин из сферы хозяйства, так и некомплект по штатным нормам в действующей армии, который к началу операции «Цитадель» снизился до 257 тысяч человек (на 22 июня 1941 года некомплект равнялся нулю, а к началу летнего наступления 1942 года достиг 652 тысяч человек). Вместе с тем разработка «экономных» организационно-штатных норм для укомплектования войсковых частей отрицательно сказалась на боеспособности последних, поскольку в прежних «богатых» штатных нормах были скрыты так называемые «тихие резервы», которые позволяли воинской части собственными внутренними силами преодолевать временные кризисные ситуации и удерживать физические нагрузки на личный состав в допустимых пределах. В целом к июлю 1943 года ядро германской армии было ослаблено, снизился ее качественный уровень, стало невозможным привести в боеспособное состояние войска в смысле обеспечения их личным составом, вооружением и материальными запасами, а также добиться необходимого для наступательных операций уровня боевой подготовки. Возможности поддержки войск авиацией, тяжелой артиллерией резерва главного командования, специальными инженерно-саперными частями никогда еще с момента начала войны не доходили до столь низкого уровня. Численность личного состава сухопутных частей действующей армии на Восточном фронте к 1 июля 1943 года составила 3115 тысяч человек в 168 дивизиях, к которым присоединялись 6 дивизий и два полка СС; 12 авиационных полевых дивизий военно-воздушных сил (далее – ВВС); 14 дивизий и 8 бригад финской армии; 9 румынских, 5 венгерских, 2 словацких дивизии; от 130 до 150 тысяч так называемых «восточных войск» и от 220 до 320 тысяч «добровольцев вспомогательной службы»⁶⁴: всего не более 4,5 миллиона человек. С учетом того, что на Восточном фронте была задействована значительная часть ВВС, насчитывавших в 1943 году 1700 тысяч военнослужащих⁶⁵, общая численность войск немцев и их союзников составляла около 5 миллионов солдат. По состоянию на 20–30 июня 1943 года на Восточном фронте было 2845 танков и 997 штурмовых орудий, всего 3842 боевые машины⁶⁶ (по другим данным⁶⁷, на 30 июня германская

---

⁶³ Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. С. 356, 374, 379–381, 384–385.

⁶⁴ Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. С. 384–400.

⁶⁵ Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. С. 705.

⁶⁶ Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. С. 401.

⁶⁷ В кн.: Ньютон С.Х. Указ. соч. С. 522.

армия на Востоке имела 2398 танков, из которых 2122 боеготовых, и 1036 штурмовых орудий, из которых 938 боеготовых, всего 3434 боевые машины).

Стремясь сформировать резервы, в конце января Гитлер отдал приказ о сокращении линии фронта группы армий «Центр»⁶⁸. В феврале – марте 1943 года немецкая армия оставила выдававшиеся на восток выступы фронта в районе Ржева – Вязьмы и Демянска, с боями эвакуировав оттуда войска и технику, что позволило высвободить 32 дивизии в целях создания оперативного резерва, формирования ударной группировки для будущих наступательных действий в составе 9-й армии группы «Центр», а также укрепления обороны группы армий «Север» (15 пехотных, 3 танковые, 2 моторизованные дивизии, одно армейское и четыре корпусных управления из района Ржева и Вязьмы, 12 пехотных и егерских дивизий и одно корпусное управление из района Демянска)⁶⁹. Причем ликвидация Ржевско-Вяземского плацдарма, в свою очередь, позволила советскому командованию вывести в резерв две общевойсковые армии и танковый корпус⁷⁰.

Трудности с резервами привели к тому, что немецкое командование вынуждено было расширять практику доукомплектования частей иностранцами – прежде всего славянами из числа чехов, поляков, украинцев и русских, хотя в августе 1943 года Генеральный штаб сухопутных войск издал приказ, согласно которому число советских военнопленных в составе немецких дивизий на Восточном фронте не должно было превышать 15 % штатного состава (по некоторым данным, среди личного состава пехотных дивизий группы армий «Юг» летом 1943 года немцы составляли около 60 %, поляки от 20 до 40 %, чехи приблизительно 10 % и несколько процентов бывшие граждане СССР, перешедшие на сторону Германии и ее союзников)⁷¹. Тыл немецких войск в прифронтовой зоне практически полностью обслуживался частями, состоящими из советских военнопленных, добровольно изъявивших желание помогать немецкой армии (*нем. Hilfswillige* – добровольные помощники). Как указано выше, в июне 1943 года таких было от 220 до 320 тысяч человек⁷².

По советским данным⁷³, к лету 1943 года на советско-германском фронте, имевшем протяженность 2100 километров, со стороны Германии и ее союзников было сосредоточено от 5,2 до свыше 5,3 миллиона солдат и офицеров (4,8 миллиона немецких и 525 тысяч союзных войск), 54,3 тысячи орудий и минометов, 5850 танков и САУ, 2980 самолетов. Хотя эти данные преувеличены, в особенности по поводу бронетехники (приведенные выше немецкие сведения представляются более верными, так как подтверждаются советскими же источниками, где указано, что сосредоточенные в районе Курского выступа около 2700 танков и САУ составляли 70 % от общего количества немецкой бронетехники на Восточном фронте⁷⁴, которое, следовательно, никак не укладывается в число 5850, поскольку равно 3850 машинам), в первом приближении они дают представление о силах и средствах, которыми располагало германское командование на Востоке.

⁶⁸ Хаунт В. Сражения группы армий «Центр». С. 215.

⁶⁹ В кн.: *История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.* Т. 3. Коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны (ноябрь 1942 г. – декабрь 1943 г.). М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1961. 664 с. С. 145; Хаунт В. Группа армий «Север». С. 178–181; Хаунт В. Сражения группы армий «Центр». С. 227.

⁷⁰ Баграмян И.Х. Указ. соч. С. 174.

⁷¹ В кн.: *Веревкин С.* Указ. соч. С. 59–60; *Огненная дуга.* М.: Издательский дом «Звонница-МГ», 2003. 672 с. С. 23; *Лонуховский Л.* Прохоровка. Без грифа секретности. М.: Эксмо, Яуза, 2005. 624 с. С. 58.

⁷² Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. С. 390.

⁷³ *История военного искусства: Учебник для военных академий Советских Вооруженных сил* / Б.В. Панов, В.Н. Киселев, И.И. Картавцев и др. М.: Воениздат, 1984. 535 с. С. 178; *50 лет Вооруженных Сил СССР.* М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1968. 584 с. С. 361, 459.

⁷⁴ *Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия* / Гл. ред. М.М. Козлов. Редколлегия: Ю.Я. Барабаш, П.А. Жилин (зам. гл. ред.), И. Канатов (отв. секретарь) и др. М.: Сов. энциклопедия, 1985. 832 с. С. 393.

Однако реальное значение приведенных цифр становится ясным лишь при их сопоставлении с аналогичными показателями, касающимися советского военного потенциала. К лету 1943 года численность и техническую оснащенность советских вооруженных сил на Восточном фронте характеризуют следующие данные: 6,6 миллиона человек личного состава, 105 тысяч орудий и минометов, около 2200 боевых установок реактивной артиллерии, 10 199 танков и САУ, 10 252 боевых самолета⁷⁵ (по информации некоторых источников⁷⁶, количество боевых самолетов в действительности достигало 13 тысяч машин). Причем, если советская военная промышленность в первом полугодии 1943 года выпустила 11 189 танков и САУ и 13 741 боевой самолет, то немецкая промышленность – 4541 танк и САУ и 10 449 самолетов⁷⁷. Следовательно, к июлю 1943 года советская сторона в 1,5–2,5 раза превосходила противника в силах и средствах, и это общее превосходство постоянно увеличивалось. Всего в 1943 году советская промышленность произвела⁷⁸: 22,9 тысячи танков, 61 тысячу орудий (включая реактивную артиллерию), 33,1 тысячи боевых самолетов, а немецкая промышленность⁷⁹: 12,7 тысячи танков, 17,8 тысячи орудий, 25 тысяч самолетов.

При этом экономический потенциал, которым располагала Германия к началу войны на Востоке и в период 1941–1944 годов, учитывая союзников и оккупированные страны, по всем основным параметрам превосходил аналогичный потенциал СССР, за исключением добычи природных ресурсов, в частности нефти (см. таблицу 1). Например, по таким важным для функционирования военной промышленности показателям, как производство стали, чугуна и электроэнергии, Германия и ее союзники опережали СССР в 2–3 раза.

К ноябрю 1941 года, после пяти месяцев войны, германские войска оккупировали экономически развитую часть территории СССР, где проживало 41,9 % всего населения, производилось 33 % валовой продукции всей промышленности, до 71 % чугуна, около 60 % стали, 38 % валовой продукции зерна, а также находилось 47 % всех посевных площадей, около 60 % поголовья свиней и 38 % поголовья крупного рогатого скота⁸⁰. Тем самым экономический потенциал СССР был дополнительно ограничен приблизительно на треть. Однако данные о годовом и среднегодовом производстве вооружений и боевой техники в 1941–1944 годах (см. таблицы 2,3) показывают обратную зависимость по сравнению с соотношением ресурсов (за исключением производства средств транспорта).

Таблица 1

---

⁷⁵ В кн.: *История военного искусства*. С. 48.

⁷⁶ *Смирнов А.* Боевая работа советской и немецкой авиации в Великой Отечественной войне / Андрей Смирнов. М.: АСТ, Транзиткнига, 2006. 574, [2] с. С. 68.

⁷⁷ В кн.: *Машштейн Э.* Указ. соч. С. 538.

⁷⁸ *Россия и СССР в войнах XX века*. С. 473–481.

⁷⁹ *Керль Г.* Военная экономика и военная промышленность / К. Типпельскирх, А. Кессельринг, Г. Гудериан и др. Итоги Второй мировой войны. Выводы побежденных. СПб.: ООО «Издательство Полигон»; М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998. 634 с. С. 376.

⁸⁰ *Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.* / Под ред. С.К. Куркоткина. М.: Воениздат, 1977. 559 с. С. 105, 500–501.

**Основные показатели экономического потенциала
Германии (годовое производство в середине 1941 года)
и СССР (годовое производство в конце 1940 года)⁸¹**

Основные показатели	Германия и Австрия	Европейские союзники Германии	Страны, оккупированные Германией	Всего (в среднем за год в 1941—1944 гг.) / СССР (в среднем за год в 1941—1945 гг.)
Площадь, тыс. кв. км	554	801	1 922	3 277
Население, млн	76*	78	129	283 / 191,7
Электроэнергия, млрд кВт/ч	52	15	43	110 (83,5) / 48,3 (36,8)
Нефть, млн т	0,5	8,7	0,8	10,0 (15,5) / 31,1 (22,8)
Сталь, млн т	20	3,2	20,4	43,6 (33,4) / 18,3 (11,3)
Чугун, млн т	16,3	1,4	20,2	37,9 (24,5) / 14,9 (7,8)
Автомобили, тыс. шт.	333	75	268	676 / 211,1**
Зерновые, млн цент.	136	148	264	548 / 844
Крупный рогатый скот, млн голов	22,9	15,3	45,4	83,6 / 54,8

Примечание:

* по данным Б. Мюллер-Гиллебранда⁸², население Германии, включая Австрию и протекторат Богемия и Моравия, в 1939 году составляло 38,9 миллиона мужчин и 41,7 миллиона женщин, всего 80,6 миллиона человек;

** по данным за 1938 год (максимальный показатель предвоенного производства автомашин в СССР).

Таблица 2

Основные показатели военного производства Германии и СССР⁸³.

Основные показатели	Германия (в среднем за год в 1941—1944 гг.) ⁸⁴	СССР (в среднем за год в 1941—1945 гг.)
Минометы, тыс. шт.	17,0	86,9
Орудия, тыс. шт.	25,5	47,0
Танки и САУ, тыс. шт.	13,5	23,8
Боевые самолеты, тыс. шт.	19,7	27,0
Автомшины и тягачи, тыс. шт.	93,7	51

Примечание:

* по советским данным⁸⁴, в начале 1945 года выпуск вооружения в Германии снизился на 27 %, а к марту – на 65 %.

Таблица 3

⁸¹ В кн.: *Мировые войны XX века*: В 4 кн. / Ин-т всеобщей истории.

⁸² *Мюллер-Гиллебранд Б.* Указ. соч. С. 700. М.: Наука, 2002. Кн. 3: Вторая мировая война: Ист. очерк / Отв. ред. Е.Н. Кульков. 2002. 597 с. С. 357; 50 лет Вооруженных Сил СССР. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1968. 584 с. С. 223, 457; Тыл Советских Вооруженных Сил. С. 14, 21, 25.

⁸³ В кн.: *50 лет Вооруженных Сил СССР*. С. 457.

⁸⁴ *Советский Союз в годы Великой Отечественной войны*. С. 561.

Производство основных видов боевой техники Германией и СССР в 1941–1944 годах⁸⁵

Производство основных видов и типов боевой техники, тыс. шт.	Германия / СССР			
	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.
Орудия	16,5 / 30,2*	35,7 / 127,1	46,5 / 130,3	81,4 / 122,4
Танки и САУ	3,7 / 4,8*	5,5 / 24,4	12,1 / 24,1	18,8 / 29
Самолеты	12,4 / 9,8*	15,4 / 25,4	24,8 / 34,9	40,6 / 40,2

Примечание: * за период с июля по декабрь 1941 года.

Как видно, при относительном недостатке, по сравнению с Германией (с учетом ее союзников и оккупированных стран), всех важнейших видов сырья, за исключением нефтепродуктов, а также при меньшем потенциале трудовых ресурсов, в СССР производилось больше основной военной продукции, чем в Германии. В особенности большое отставание Германии имело место в области среднегодового производства артиллерийских орудий и минометов. При этом преимущество над СССР по количеству ежегодно производимых Германией средств транспорта не имело существенного значения в связи со значительными поставками данного вида продукции из Великобритании и США. Так, за время войны в действующую советскую армию поступило от союзников свыше 240 тысяч единиц автотранспорта, что превышало объем четырехлетнего производства советской промышленности и позволило перевести советские автомобилестроительные заводы на производство легких танков (к июню 1943 года только из США было уже получено 17 тысяч легких вседорожных армейских автомобилей и 90 тысяч грузовых автомашин)⁸⁶. По ходу войны превосходство СССР по выпуску военной продукции в целом только возрастало, причем советская промышленность превзошла германскую не только по количеству, но и по качеству многих образцов вооружения и боевой техники. Как отмечают Г. Колтунов и Б. Соловьев, если в СССР военное производство возросло в 1943 году по сравнению с довоенным уровнем в 4,3 раза, то в фашистской Германии только в 2,3 раза, хотя она больше производила металла, угля и электроэнергии⁸⁷.

Отсюда следует вывод, что советская военно-экономическая система оказалась гораздо более эффективной по сравнению с германской. Прежде всего, это было достигнуто благодаря милитаризации экономики, которую советское политическое руководство осуществляло начиная с 1929–1930 годов, проводя политику так называемых «коллективизации» и «индустриализации». СССР, в отличие от Германии, более длительно и целенаправленно готовился к ведению полномасштабной войны за установление своей гегемонии в Европе. Поэтому даже в 1940 году доля военной продукции в общем объеме производства была здесь в 1,7 раза выше, чем в Германии, которая, в отличие от СССР, уже активно участвовала во Второй мировой войне (см. таблицу 4). По советским данным, к лету 1941 года производственные мощности советской авиационной и танковой промышленности в 1,5 раза превышали мощности авиастроения и танкостроения Германии⁸⁸.

⁸⁵ В кн.: *Артиллерия Германии во Второй мировой войне*. СПб: Издательский дом «Нева», 2003. 64 с. С. 58–59; *Беккер К. Военные дневники люфтваффе. Хроника боевых действий германских ВВС во Второй мировой войне* / Пер. с англ. А.С. Цыпленкова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. 540 с. С. 529; *Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия*. С. 35, 64, 705–706; *Шмелев И.П. Бронетехника Германии 1934–1945 гг.: Иллюстрированный справочник* / И.П. Шмелев. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. 271 с. С. 145, 162, 174, 208.

⁸⁶ В кн.: *Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны* / Д. Гланц, Дж. Хауз; пер. с англ. Н.П. Григорьева. М.: Астрель: АСТ, 2007. 508, [4] с. С. 50; *Россия и СССР в войнах XX века*. С. 471, 480.

⁸⁷ *Колтунов Г.А., Соловьев* Курская битва. С. 16.

⁸⁸ В кн.: *Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне*. С. 16.

Как показывает приведенная информация, по доле военной продукции Германия приблизилась к СССР только в 1944 году, когда производство Германией боевой техники увеличилось в среднем в 4–5 раз по сравнению с началом войны на Востоке (по советским данным⁸⁹, военное производство Германии достигло наивысшего уровня в середине 1944 года, когда его объем в пять раз превышал объем производства в начале 1941 года). Однако, во-первых, за исключением авиации достигнутый уровень все равно оказался приблизительно в 1,5 раза ниже уровня военного производства противника. Во-вторых, в 1944 году было поздно исправлять положение на Восточном фронте за счет увеличения производства боевой техники, потому что германская армия уже понесла невосполнимые потери в людях и испытывала непреодолимые затруднения с производством горючего и его доставкой на театр военных действий.

Как отмечают советские исследования⁹⁰, специфика капиталистической экономики и общественно-политического строя Германии привели к тому, что, имея в 3–4 раза меньше стали и в 3–3,5 раза меньше угля, экономика СССР за время войны произвела почти в 2 раза больше боевой техники и вооружения, чем экономика фашистской Германии вместе с союзниками, причем СССР использовал 8–11 миллионов тонн годового производства металла более эффективно, чем использовались 32 миллиона тонн, производимых в Германии. Вследствие этого в 1943 году германские войска уже находились на «голодном пайке» по горючему и периодически испытывали дефицит боеприпасов и вооружения.

С точки зрения штаба ВВС Великобритании⁹¹ основным фактором, препятствовавшим росту немецкой военной промышленности, оставалась нехватка кадров квалифицированных рабочих. В действительности в СССР существовала аналогичная проблема, что не мешало наращиванию военного потенциала этой страны. Длительный период милитаризации экономики позволил советскому политическому режиму наладить систему более оптимального использования всех видов ресурсов в интересах выпуска военной продукции, чем это удалось сделать в Германии. Например, в 1941–1944 годах в промышленности СССР было занято в 1,2–1,4 раза меньше человек, чем в промышленном производстве Германии (см. таблицу 5). Однако даже в 1943 году около 6 миллионов промышленных рабочих и служащих в Германии все еще были заняты на производстве товаров народного потребления⁹² (по советским данным⁹³, в 1943 году в сфере военного производства в Германии было занято около 61 % всех промышленных рабочих, а в США – 67 %).

Таблица 4

Доля военной продукции в общем объеме валовой продукции Германии и СССР⁹⁴

Доля военной продукции в общем объеме валовой продукции, %	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.
Германия	15	19	26	38	50
СССР	26	66	64	58	51

Таблица 5

⁸⁹ *Великая* Отечественная война 1941–1945: энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1985. 832 с. С. 815.

⁹⁰ В кн.: *Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне*. С. 501.

⁹¹ *Подлинная история люфтваффе. Взлет и падение детища Геринга* / Пер. с англ. П. Смирнова. М.: Яуза, Эксмо, 2006. 608 с. С. 38–39.

⁹² *Кросс Р.* Операция «Цитадель» / Пер. с англ. А. Марченко. Смоленск: Русич, 2006. 352 с. С. 35.

⁹³ В кн.: *Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне*. С. 504.

⁹⁴ *Керль Г.* Военная экономика и военная промышленность / К. Типпельскирх, А. Кессельринг, Г. Гудериан и др. Итоги Второй мировой войны. Выводы побежденных. СПб.: ООО «Издательство Полигон»; М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998. 634 с. С. 364; *Великая* Отечественная война 1941–1945: энциклопедия. С. 807, 810.

Использование трудовых ресурсов в Германии и СССР в период 1940–1945 годов⁹⁵

Число промышленных рабочих и служащих, млн чел.	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Германия*	25	25,8	25,3	26,2	27,6	27,4
СССР	31,2	22,8	18,4	19,4	23,6	27,6

Примечание:

* учитывая иностранную рабочую силу и военнопленных.

За время с 1940 по 1943 год товарооборот розничной торговли, отражающий снабжение населения предметами широкого потребления, сократился в Германии всего на 13 %, с 37,8 до 33 миллиардов марок, тогда как в СССР за аналогичный период он уменьшился на 52 %, со 175,1 до 84 миллиардов рублей (в сопоставимых ценах)⁹⁶. Это показывает, в насколько большей степени ухудшился уровень жизни населения СССР по сравнению с Германией, в связи с двукратным увеличением объемов советского военного производства. Добровольные и обязательные платежи населения СССР в годы войны составили 26 % всех доходов государственного бюджета, причем налоги и сборы возросли с 5 до 13 % дохода бюджета (за счет введения так называемого «военного налога»), поступления от обязательных государственных займов превысили весь их довоенный объем, а денежные компенсации вместо неиспользованных отпусков работники обязаны были оставлять в бюджете в виде долгосрочных вкладов, помимо периодических «добровольных» пожертвований и взносов в фонд обороны и фонд Красной армии из заработной платы⁹⁷. Таким образом, милитаризация советской экономики и рост эффективности военного производства обеспечивались, прежде всего, за счет увеличения налогообложения населения, а также снижения объемов производства и качества продукции народного потребления, что прямо вело к обнищанию советских граждан.

Другим важным фактором, хотя и внеэкономическим, являлось применение жесточайших методов государственного принуждения населения к обязательному и плохо оплачиваемому труду. Усиление эксплуатации населения со стороны правящей советской политической элиты наглядно демонстрирует Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». Фактически данный указ нормативно закрепил рабский труд без выходных дней, за самовольный уход с работы была установлена уголовная ответственность. Ровно через год – 26 июня 1941 года – был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время», по которому отменялись отпуска, а хозяйственные руководители получили право вводить обязательные сверхурочные работы продолжительностью от 1 до 3 часов в день⁹⁸. В целях дополнительного закрепления рабочей силы 26 декабря 1941 года был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий», в соответствии с которым все трудящиеся, занятые на предприятиях военной промышленности, а также обслуживающих ее отраслей, считались мобилизованными на период войны и самовольный уход с этих предприятий рассматривался как дезертирство⁹⁹.

⁹⁵ В кн.: Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. С. 702; Советский Союз в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Указ. соч. С. 257, 404, 567, 704; Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне. Указ. соч. С. 99, 106.

⁹⁶ Керль Г. Указ. соч. С. 377; Советский Союз в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Указ. соч. С. 556.

⁹⁷ В кн.: Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне. Указ. соч. С. 339–340.

⁹⁸ В кн.: Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. Указ. соч. С. 90.

⁹⁹ Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия. С. 806.

При этом одним из крупных источников дополнительных трудовых ресурсов для коммунистического режима явилось население, ранее не занятое в общественном производстве, – женщины и подростки. Так, в 1940 году женщины составляли 41 % всех рабочих и служащих, в 1942 году – 53,4 %, а в 1944 году – 57,4 % (следовательно, их насчитывалось свыше 15,5 миллиона человек. – П.Б.); в сельском хозяйстве на долю женщин в 1944–1945 годах приходилось 55,5 % всех выработанных трудодней; к началу 1945 года удельный вес подростков в возрасте от 14 до 17 лет, занятых в промышленности, строительстве и на транспорте, составлял 10,5 % от общего числа работающих¹⁰⁰.

Для сравнения: в Германии в 1939 году количество женщин, занятых в хозяйстве, составляло 14,5 миллиона человек ($\approx 37\%$), хотя в дальнейшем оно незначительно увеличилось в связи с привлечением иностранных трудовых ресурсов: в мае 1940 года среди иностранных рабочих было 200 тысяч женщин, а в мае 1941 года – уже 400 тысяч, тогда как число трудившихся немецких женщин к этому времени уменьшилось до 14,2 миллиона человек¹⁰¹.

Таким образом, изложенное показывает, что военная экономика нацистской Германии оказалась в целом менее эффективной, чем советская социалистическая экономика, ориентированная на военные нужды. Исторический опыт свидетельствует, что максимально централизованная система управления, основанная на жестком принуждении насильственными методами, гораздо эффективнее в условиях кризиса, чем относительно децентрализованная и более либеральная. С другой стороны, отсюда очевиден ответ на вопрос: какая политическая система являлась более отвечающей социальным интересам своего народа – советская коммунистическая или германская национал-социалистическая? По мнению участника войны генерала Фридриха Меллентина (Friedrich Mellenthin)¹⁰², одним из главных преимуществ России в войне является ее способность выдержать огромные разрушения и кровопролитные бои, а также возможность предъявить необыкновенно тяжелые требования к населению и действующей армии.

Соответственно, начальник штаба Верховного командования сухопутных войск Германии (далее – Генеральный штаб сухопутных войск)¹⁰³ Франц Гальдер (Franz Ghalder) уже в августе 1941 года зафиксировал в своих заметках¹⁰⁴, что общая обстановка все яснее показывает недооценку военным руководством Германии хозяйственного и организационного потенциала СССР, а также его чисто военных возможностей: «И даже если мы разобьем дюжину таких дивизий, русские сформируют новую дюжину». В ноябре 1941 года начальник вооружений сухопутных сил и командующий армией резерва генерал Фридрих Фромм (Friedrich Fromm) докладывал Гальдеру, что количество людских резервов Германии и возможность обеспечения ее вооруженных сил материальными средствами требуют немедленного перемирия с СССР, поскольку в апреле 1942 года некомплект на Восточном фронте составит 180 тысяч солдат. Соответственно, в том же ноябре Гальдер констатировал, что колоссальные размеры территории и неистощимость людских ресурсов СССР вообще не позволяют гарантировать полного поражения этой страны, поэтому война смещается из плоскости военных успехов в плоскость способности выстоять в моральном и экономическом отношении, а главной задачей становится нанести противнику максимальный ущерб возможными средствами.

¹⁰⁰ Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. С. 566, 570; *Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне*. С. 23.

¹⁰¹ В кн.: *Мировые войны XX века*: В 4 кн. Кн. 3. С. 359–361; *Мюллер-Гиллебранд Б.* Указ. соч. С. 701.

¹⁰² *Меллентин Ф.В.* Танковые сражения. Боевое применение танков во Второй мировой войне. СПб.: Полигон, 1998. 448 с. С. 356–357.

¹⁰³ Obercommando des Heeres (ОКН) осуществляло управление войсками на Восточном театре военных действий. (*Примеч. авт.*)

¹⁰⁴ *Гальдер Ф.* От Бреста до Сталинграда: Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск 1941–1942 гг. / Пер. с нем. Смоленск: Русич, 2001. 656 с. С. 234, 464, 468.

Военные специалисты, начиная с Карла Клаузевица, отмечали, что переход к массовым армиям позволил государству шире использовать для ведения войны возможности управляемого им народа, поэтому существенно изменилось понятие тыла, которым, по существу, теперь становилась вся страна, за исключением фронтовой полосы. Благодаря этому армии приобрели большую живучесть, и, даже потерпев сокрушительные поражения, при наличии крепкого тыла, образованного психологически сплоченным и морально устойчивым народом, а также времени и пространства, они могли восстанавливать свою боеспособность, одновременно приобретая боевой опыт.

Стратегия молниеносной войны, или блицкрига (*нем.* Blitzkrieg), разработанная германскими военными специалистами вследствие поражения в Первой мировой войне, предусматривала именно необходимость исключить тыл из военного противоборства либо, по крайней мере, существенно ограничить для противника возможности использования своего тыла. Стратегия предусматривала проведение серии взаимосвязанных краткосрочных операций, в основном на окружение крупных группировок неприятельских войск, что обеспечивало поражение вражеских вооруженных сил опережающими темпами, по сравнению с их восполнением и реорганизацией за счет ресурсов тыла и развертыванием в следующем стратегическом эшелоне. Тактическим средством реализации данной стратегии являлся комплекс методов и приемов ведения наступательных действий силами мотомеханизированных соединений, включавших танки, моторизованную пехоту, артиллерию на механической тяге, подвижные разведывательные, саперные, инженерно-технические части и подразделения связи, что позволяло непрерывно развивать наступление в оперативной глубине расположения войск противника. Соответственно, тактика блицкрига заключалась в прорыве обороны противника за счет действий ударных пехотных дивизий при поддержке авиации, с последующим входом в прорыв подвижных соединений с задачей нарушить всю систему вражеской обороны. Они должны были упредить выдвигающиеся на угрожаемый участок резервы противника, разгромить их по частям и продвинуться в оперативную глубину, чтобы овладеть ключевыми объектами и перерезать коммуникации вражеской группировки. В начале войны против СССР данная концепция ведения военных действий себя полностью оправдала, но недооценка мобилизационных возможностей советской стороны не позволила немцам добиться цели быстрого поражения и уничтожения основной массы советских вооруженных сил. Как отметил уже после войны генерал Герман Гот¹⁰⁵, разгром кадровой армии создал только предпосылку для гораздо более длительного акта разрушения военной промышленности противника.

Однако советское военное руководство не предоставило германской армии ни времени, ни реальной возможности для разрушения своей военной промышленности, поскольку оперативно пересмотрело мобилизационные планы с целью быстрого восстановления и увеличения численности вооруженных сил. Вместо создания ограниченного количества полностью укомплектованных кадровым командным составом и штатно вооруженных соединений был организован непрерывный процесс создания новых формирований, хуже оснащенных и состоящих из плохо обученных новобранцев и добровольцев под управлением офицеров запаса. В результате, если к началу войны в Красной армии насчитывалось всего 303 стрелковые, кавалерийские, моторизованные и танковые дивизии, в течение второго полугодия 1941 года была вновь сформирована 391 дивизия (для сравнения: в 1942 году – 73 соединения, в 1943 году – 26, в 1944 году – 5, в 1945 году – 2), поэтому в 1941 году на военную службу было призвано не 4,9 миллиона человек, как предполагалось до войны, а более 10 миллионов¹⁰⁶.

---

¹⁰⁵ Гот Г., Гудериан Г. Танковые операции. «Танки – вперед!» / Пер. с нем. Смоленск: Русич, 1999. 496 с. С. 33.

¹⁰⁶ В кн.: Россия и СССР в войнах XX века. С. 422–423; Исаев А. Антисуворов. Десять мифов Второй мировой. М.: Эксмо, Яуза, 2006. 416 с. С. 33.

Хотя вновь сформированные соединения с ограниченной боеспособностью можно только условно называть дивизиями, тем не менее их создание позволяло заблаговременно занимать войсками оборонительные рубежи, заранее готовившиеся на всех угрожаемых направлениях, задерживать продвижение германских войск и причинять им потери, вынуждая германское командование изменять оперативные планы и перегруппировывать силы, то есть терять темп и проигрывать время. Ценой за это было полное или частичное уничтожение новых соединений, что в особенности отчетливо прослеживается при рассмотрении боевого использования так называемых дивизий народного ополчения.

Дивизии народного ополчения начали создаваться с июля 1941 года, комплектовались добровольцами и лицами из числа призывного контингента в возрасте от 17 до 55 лет (в основном рабочими с предприятий Москвы и Московской области), затем переформировывались по сокращенным штатам стрелковых дивизий и получали номера стрелковых соединений Красной армии, разгромленных и уничтоженных в боях под Минском, Киевом и Уманью. Численность дивизий народного ополчения достигала 10–11 тысяч человек, командный состав представляли кадровые офицеры резерва и офицеры запаса, а вооружение зависело от наличия боевой техники. Так, 2-я дивизия народного ополчения (2-я стрелковая дивизия), которая создавалась в начале июля на основе призывного контингента и добровольцев Сталинского района города Москвы и Балашихинского района Московской области, насчитывала свыше 12 тысяч человек и была полностью укомплектована тяжелым оружием: в каждую пулеметную роту батальонов поступило по 12 станковых пулеметов, в минометную роту – по 6 легких минометов, полковые батареи получили по 4 полевых 76-мм орудия образца 1927 года, а дивизионный артиллерийский полк – 36 орудий новых образцов; 18-я дивизия народного ополчения была переформирована по штатам стрелковой дивизии сокращенного состава, также сохранив свой номер, и насчитывала более 10,5 тысячи военнослужащих, 7711 винтовок и карабинов, 453 пулемета и автомата, 28 полковых 76-мм орудий, 8 полевых 122-мм гаубиц, 14 зенитных 37-мм пушек, 18 средних 82-мм минометов и 51 легкой 50-мм миномет, 164 грузовые автомашины и 2,4 тысячи лошадей. Эти данные показывают, что дивизии народного ополчения по своей вооруженности и оснащенности не вполне отвечали стандартам кадровой стрелковой дивизии образца 1941 года (10 858 человек личного состава, 8341 винтовка и карабин, 468 пулеметов и автоматов, 36 полевых и полковых и 18 противотанковых орудий, 10 зенитных пушек, 78 минометов, 203 автомашины и 3039 лошадей)¹⁰⁷

---

¹⁰⁷ В кн.: *Россия и СССР в войнах XX века. С. 427; Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне. С. 57.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.